
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

УРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

(Июль 1941 — июль 1943)

Всю свою жизнь Мариэтта Сергеевна Шагинян вела рабочие дневники. Вот как она сама объясняла их назначение: «Полезно записывать первые впечатления от фактов, какими бы наивными и незрелыми ни показались они впоследствии. Такая запись сохранит всю историю изучения темы...» Публикуемый «Уральский дневник» послужил М. С. Шагинян основой для написания большого количества статей и очерков в годы Великой Отечественной войны. Эти записи не предназначались ею для публикации. Они писались только для себя. М. С. Шагинян понимала, что «разговор с самим собой и разговор с читателем... разные вещи и по языку, и по композиции, и по объему материала». Однако, как и всякие дневники они интересны не только как рабочая лаборатория писателя, но и как живой документ эпохи.

Публикуем дневники с некоторыми сокращениями.

3/VII 1941.

С 10 апреля и по 2 июля (почти три месяца!) ничего не записывала <...>

22 июня немецкий фашизм ночью, вероломно, без предупреждения напал на нас. Десять дней Красная Армия стойко сопротивляется врагу.

24 июня я подала в партию.

Снова засела за книгу о Низами и сейчас боюсь, как совместить общественные обязанности со своею работой. Война сразу переместила все центры тяжести, требует от нас новой работы, быстроты исполнения, политической чуткости.

24/VII.

[В ночь] с 21 на 22 немцы начали бомбить Москву. За время войны работаю: 1) для Балтфлота — стихи и статья; 2) для радиовещания — 3 статьи; 3) для Информбюро — 2 статьи; 4) для «Красной звезды» — 1 статья; 5) для «Учительской газеты» — 1 статья; 6) для «Нового мира» — 1 статья Но вся эта работа плохо организована и плохо получается сейчас только рожденные быть агитаторами, такие, как Ванда Василевская, пишут хорошо, да и то слова как-то отскакивают от мозга, как резиновые мячи, настолько действительность сильнее всяких слов.

Те, кто будет жить после нас, будут, наверное, удивляться тому, как сейчас спокойны люди: после трехдневной бомбежки Москвы и угрозы газовой войны люди утром и днем как ни в чем не бывало оживаются, выходят, покупают в магазинах. Но опыт очень больших страшных вещей учит, что есть предел, за которым уже перестаешь чувствовать страх.

Публикация и примечания ЕЛЕНЫ ШАГИНЯН.

Москвичи ведут себя прекрасно, только отдыхать не дают немцы (трое суток без сна, ночью — в бомбоубежище, где у нас повернуться негде). Утром — авральная работа по уборке дома, днем — писание статей, хозяйство. Мы с Линой¹ видели, как упала зажигательная бомба в нашем дворе — овальная, розовая, покатилась, как слеза. Тут же и затушили ее во дворе, но от десятка других загорелся деревянный соседний дом и сгорел.

Сегодня..: страшно и мрачно кончается день, в ожидании тревоги сидим в каком-то одеревенелом безделье, так как для работы уже сумеречно. Немцы изматывают население Москвы частыми налетами.

31/VII.

Утром писала статью для Краснова (Радиовещание) о самодисциплине в тылу... День сумрачный, вечером грозово, тучи клубками.

Маленькая жена Папанина усиленно во время ночных отсидок в бомбоубежище учит английский язык, я вижу ее учебник, откуда она списывает в тетрадку упражнения. Мы уже привыкли к тревогам. Кончаются они теперь не на заре, а когда еще темно — стали ночи длиннее, время повернуло к осени. Организация жизни — сутки, не больше. Все работают насыщенней. Сегодня в 5 часов была на бюро райкома, меня утвердили кандидатом.

В 1 час 35 мин. была также в клубе ССП на гражданской панихиде по Феликсу Кону. Лежал в гробу не очень старый на вид, лицо темное, орлиное... Цветов и народа не особенно много, по-военному. Фадеев говорил о Феликсе Коне как о писателе. Очень хорошо выступила Усиевич, дочь Феликса Кона. Хотя смерть отца была для нее огромным горем, держала себя в руках, ни одной слезинки.

2—5/VIII.

Частично — в Москве, частично — на даче, где тоже — ночные тревоги (хотя я сплю и в ус не дую — все равно убежища нет). Встреча с И. Н. Розановым². За эти дни написала маленькую статью «Роза на книге» в Персидский сборник. Лихорадочно работает, но как-то неглубоко... никогда ни по какому поводу нельзя давать нечто меньше тебя, нечто такое, что самой тебе прочесть бесполезно и неинтересно. Но так дергают заказы, что ничего не успевается, плохо выходит.

6/VIII—8/IX.

Фадеев прислал материалы, для него написана «Политика мирового двурушничества». За это время — свыше двух с половиной месяцев войны — мы жили то в городе, то на даче. Работала я непрерывно и не успевала ничего записывать. По двум заданиям: «Пионерской правды» и «Московского комсомольца» — столкнулась с интересными московскими явлениями: как спасали толстовскую усадьбу от зажигательных бомб и воскресник на заводе.

Вступает в жизнь искусство — все для обороны. Выделяются: Маршак, Кукрыники, Эренбург; роль А. Толстого; кинопьеса Петрова: новые картины; журналы. В Союзе писателей — ночные дежурства.

Москва меняет внешний облик, маскировка: Большой театр — зеленые холсты, синие, красные, серые, черные полосы.

Ничего не могла записывать до 6 ноября 1941 года, когда мы эвакуировались в Свердловск. За это время много написано и сдела-

¹ Шагинян Магдалина Сергеевна (1890—1961) — сестра писательницы, художник, скульптор, композитор.

² Розанов Иван Никанорович (1884—1959) — филолог, профессор Московского государственного университета. Преподавал литературу в гимназии, где училась М. Шагинян.

но, ряд выступлений, не проходило дня без работы на оборону, а положение становилось все напряженней и напряженней. Комитет по делам искусств высшей школы допустил меня к защите докторской диссертации по «Шевченко»³. Она была назначена на 22 октября. Но 15-го в Москве началась паника. Пережитое за три дня — 15, 16, 17 — незабываемо... Писателей спешно эвакуировали (часть), остальные остались без приору... Нас подобрал военный завод. Мы ехали 18 суток в ужасных условиях голода, холода и сна «по очереди» (мы с Линой делили одну койку, ели черный хлеб с луком всю дорогу). Приехали в Свердловск 4-го, устроились с большим трудом в гостинице... Получила 2 задания от радио и от «Уральского рабочего», где хотела бы работать постоянно и планомерно. Взяла в библиотеке материал по Уралу. Буду «вгрызаться» в него. Сейчас самое важное — снабжение фронта техникой и пищей, значит — заводы и колхозы.

7—10/XI, Свердловск, «Большой Урал».

Я пишу маленькую серию «Оборона Москвы» для радио и для альманаха, уже сделала две главы, остается еще две. Из гостиницы нас выселяют, денег нет, не прописывают в милиции — значит, и карточек нет. Были мы у О. Д. Форш и она — у нас. Хорошо, по душам поговорили.

Работаю над литературой по Уралмашу по заданию «Уральского рабочего». Сюда перебралась газета «Труд» и тоже ищет работников... Ужасное известие о гибели Афиногенова. Фадеев летает между Куйбышевом, Казанью, Москвой и Свердловском, был у Форш, сказал, что в Свердловске писателям лучше всего. Хаос и неорганизованность тут, во всяком случае, не меньше, а может быть, и больше. Так нельзя дальше работать. Если не перестроимся — гибель.

11—14/XI.

Редактор «Труда» Омельченко предложил работать в штате газеты, на хороших условиях. Я согласилась.

В промышленном отделе зав. Луцкий, Леонид Борисович, и пом-зава — Семен Леонидович Кофф. С ним вчера — очень интересный разговор о том, как писать сейчас о промышленности, чтобы помочь обороне. Найти людей... уже научившихся по-новому работать, и дать их образы... — это он советует. Я же считаю, что не надо бояться говорить об отрицательном и тоже вскрывать его причины. В общем, у нас в «Труде» довольно приятная рабочая атмосфера (сам Омельченко очень хорош), кроме отдела культуры, где до сих пор связи не установились. В отделе вырезок много прочитано и законспектировано про Уралмаш.

Ужасное положение писателей и сумбур в Союзе. Мы так еще и не прописаны, сидим без хлеба.

15—19/XI.

Примерно с субботы, потеряв место в «Труде», от которого отказалась совершенно правильно и принципиально, закисла и захандрила. Пошла в Библиотеку имени Белинского, записалась, там очень много хорошей иностранной литературы, правда старья, но, в общем, есть что читать и, главное, много научных книг. Еще не просмотрела русских каталогов. С горя я себе взяла детективы и на три дня погрузилась в свою пьянку, решив никуда не ходить. Но вдруг — как в романах — звонит Профиздат и предлагает написать книжечку в серию «Бойцы трудового фронта». Я опять почувствовала счастье — работа, да еще такая подходящая. Быстро подписала договор.

³ В феврале 1944 года монография «Тарас Шевченко» была защищена как докторская диссертация.

20/XI, Уралмаш.

Сегодня началась моя новая рабочая страда. Утром заканчивала с Профиздатом, в 11 часов села на [трамвай] № 5 и поехала на Уралмаш. Ехать минут 35, город скоро кончается, идут дивные сосновые рощи, солнце, все эти дни стоит мороз 15—20°, но он удивительно легко переносится, потому что воздух сухой и дышишь без тяжести... Потом сразу в сосновах — огромные здания, нарядный, отлично расплированный (звездой) городок — Уралмаш <...>

24—26/XI.

Два дня ушло на переписку законспектированного на Уралмаше в дневник. В Москве сейчас тревожное и острое положение. Джим⁴ упорно не выезжает, несмотря на все мои телеграммы. Мы с Линукой изнервничались, болеем. До сдачи книги мне осталось 5 дней, писать 1,5 печатных листа... Хотелось бы почитать по механике и по литейному делу, но вряд ли успею. Задание — оборонное, надо помнить, что — для победы, и так написать, чтоб зажгло. Перенесу прямо в дневник ударное расписание и буду работать даже не по дням, а прямо по часам. Схожу в библиотеку «Уральского рабочего», посмотрю в энциклопедии про литье и механику, возьму Бажова — сказы.

9—10/XII.

Сделано вовремя, сдано; проведена большая, напряженная работа. Потом началась бессмысленная редакционная канитель, придирчивая правка (на 50 процентов — ненужная, на 10 процентов — ухудшающая текст, на 10 процентов — возникшая от недоразумений и лишь на 30 процентов — правильная, причем эти 30 процентов я сама и сделала после машинки).

Так убивается у нас всякая производительность труда, всякое напряжение в работе и счастье работы. Если это будет продолжаться, мы все погибнем. Литература существовать перестанет. Лишь очень яркое, сильное, личное, эмоциональное, прямое, направленное на войну, на вопросы войны, пробивает сейчас себе дорогу в печать, например книжечки «Москве угрожает враг» с двумя статьями А. Толстого и В. Иванова (очень хороши), должно быть, из «Правды» или из «Известий». Но ведь это — мгновения, они редки не только для каждого, но и для коллектива. А где постоянное дело литературы? У нас нет организации этого бесперебойного ритма, без которого общей культуры не получается. Ну, довольно брюзжать.

5—10/XII.

Время идет страшно быстро, а делается мало. За эти дни — выступление Японии против США, наши дела на фронте лучше, забрали назад Ростов у генерала Клейста. Настроение приподнялось. Хочется назад в Москву, потому что здесь как-то не получается органической жизни. Мне не везет с работой, все оказывается неподходящим. Заказала в библиотеке и читаю «Nordisches Archiv» (рижское издание XIX века)...

11—12/XII.

Япония топит и бомбит важнейшие англо-американские базы. Написала статью (пробную) для «Труда» — «Гитлер и германский народ». Страшная жизнь в отрыве от своего обычного места, и нехорошо, что не получается органической работы, а к письму постоянно тянет, по-стариковски — писать-рассказывать помаленьку, но с толком, с моралью. Холода — до 40°. От Джима опять нет вестей. Мы получили карточку на декабрь в столовую «Ривьера». Денег снова нет...

⁴ Хачатрянц Яков Самсонович (1884—1960) — муж М. С. Шагинян, переводчик, литературовед.

15—18/XII.

Продолжается наше контрнаступление под Москвой... Приехал из Москвы скульптор Терзибашян, рассказывает про моего родного Самсоныча, который упорно остается в Москве,— какой он хороший, благородный и т. д. Они там живут голодно, кроме хлеба, ничего нет. Союз писателей функционирует и столовка тоже. Рассказал, что положение очень напряженное, хотя бомбежки сейчас нет.

Получила верстку «Двух мастеров»⁵. Статья моя под заголовком «Уроки немецкой истории» прошла в «Труде». И вчера вечером в малом зале Дома Красной Армии с исключительным успехом выступила на митинге (общегородском) работников печати, устроенном Уриным⁶.

19—20/XII.

Сегодня утром получила заказ от «Правды» на статью к воскресенью вечером; обещала. Но нервы расслабли после вчерашнего напряжения, и ничего не наработала. Вечером приходила Ольга Дмитриевна Форш и рассказала о задуманной ею первой главе о Rossi — «Костры». Хорошо она рассказывает — как Rossi ходит по Питеру перед Михайловским замком и думает о прошлом и т. д. Приплетается сумасшедший Павел. Потом — молодой Пушкин. В общем, если сумеет написать, то в ее стиле значительная вещь. Принесла маленькой серебрянной ложкую чайную, говорит, что маленьким детям надо дарить серебрянную ложку...

21—23/XII.

За это время написала и сдала статью в «Правду» — «Опыт Отечественной войны».

24—26/XII.

Написала статью в «Труд» «О славе древних русов». Статья в «Правде» прошла. За последние дни — новость: вызов в горвоенкомат. Оттуда на медицинскую комиссию, там встреча с Гладковым. Обоих нас осматривали по всем статьям, меня признали негодной из-за отосклероза. Гладкова — годным, но не на все сто. В остальном меня похвалили — «молодцом не по возрасту». В военкомате я узнала, что вызывает нас Москва, и обжаловала постановление комиссии: хочу ехать!

Дела наши на фронте хороши, отгоняем и бьем немцев.

Еще за эти два дня — тщетные попытки начать писать «Оборону Москвы»⁷, слишком часто я за нее бралась и бросала на половине.

27—29/XII.

За эти дни — выступление в зале филармонии (вечер писателей в пользу автоколонны «Свердловец»). Читала из Низами⁸ и никакого успеха не имела, едва похлопали. Потом... выступление в госпитале, сошло очень хорошо.

Опять договорилась с «Трудом» и вошла в штат... Написала статью «Война и труд». Написала коротко для радио. Читаю уральских писателей, очень хорошо и серьезно. Остается за эти два дня: написать в «Красного бойца» статью и дописать «Оборону Москвы».

⁵ Имеется в виду книга М. Шагинян «Два мастера», изданная Профиздатом в Свердловске в 1941 году.

⁶ Некоторые лица, упоминаемые в «Уральском дневнике», остались неустановленными.

⁷ Впервые под названием «Дневник москвича» (Профиздат. М. 1942).

⁸ В 1941 году к 800-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви М. Шагинян сделала перевод его поэмы «Сокровищница тайн».

31/XII.

Последний день 41-го — чреватого огромными событиями, движением истории, чертами людского героизма, зверства, всем, чем богат и страшен человек,— поворотного и страшного года. Начало войны с Германией. Первая речь Сталина — призыв к народу защищать свою власть и страну, начало партизанского движения. Мы крепнем... начинаем контратаковать. Разгром немцев под Ростовом. Мы отбрасываем немцев от Москвы. Чудная, ранняя московская зима — помощница.

Встречаем 42-й с крепкой надеждой на победу. Творческая энергия сейчас пробудилась как никогда раньше. Многое осозналось до глубины. Люди воспитываются и перевоспитываются войной. Я опять вижу движение истории вперед и опять ярко чувствую жизнь, реагирую всем сознанием, это хорошо.

В семье Линуша, родная и любимая, поправляется... Мирэличка⁹ вышла замуж и родила нам внучку Леночку. Мы ее очень полюбили.

Наконец самое главное — я принята кандидатом партии в июле.

За весь год, кроме Урала и короткого отдыха в Барвихе и Голицыне до начала войны, нигде не была. Еще не записала: допущена к защите диссертации на доктора, минуя кандидата, по «Шевченко». Получила 3 очень хороших отзыва. Но сама защита была отложена из-за эвакуации ряда учреждений. Думаю защитить в наступающем году, если удастся.

Нынче написала третью главу в «Оборону Москвы»... Встречали Новый год вчетвером, очень тихо и хорошо, были у нас торт, и портвейн, и бифштексы, и полная сытость [впервые] за все это время.

1/I 1942.

Тихий и спокойный день. Отдыхаю, все мы дома. Все время читаю...

2/I.

Утром сегодня докончила «Оборону Москвы», будет называться «Дневник москвича», и отнесла в Профиздат. День утомительный, без обеда. Линуша все еще прихварывает.

4/I, воскресенье.

Отдых от писания.

Бесь день — раздумья, отдых, чтение.

5/I.

Тяжелый день, мотанье, опять задержка со статьей в «Труде», скора дома — нехорошо.

6—8/I.

Начало новой страдной полосы — по черной металургии. За эти дни прочитала ясную и отчетливую статью Татевоя в газете «Черная металлургия» от 11/X-1940 года, законспектировала ее. В ней он говорит о том, что главная беда нашей металлургии была: 1) от отсутствия единого технологического документа, который в 1933 году был разработан только для Юга, а на Востоке (Урал) его еще не было, от этого потери; 2) больше всего потерь в доменной печи на качестве чугуна — из-за неровной работы печи и непостоянства шихты.

7/I пошла в Наркомчермет, где познакомилась с Давидом Яковлевичем Райзером, очень умным и дальенным замом наркома. Он указал мне самые главные, острые вопросы нашей металлургии. Первое — острое снижение запасов. Металлурги могут хорошо работать

⁹ Шагина Мирэль Яковлевна — дочь писательницы, художник.

тогда, когда есть готовые запасы на определенное количество дней, и они перманентно, без перебоев, возобновляются. А тут очень плохо работает транспорт... Металлургия Востока имеет и свои большие достижения. На протяжении войны она резко изменилась. До войны Магнитка и Кузнецк производили так называемые торговые марки металла — рядовой металл на гражданские изделия. И на том же оборудовании за эти месяцы они стали производить технические марки, какие нужны для военной промышленности. (Сообщил, что в Тагиле, куда я собираюсь ехать, 2 завода: старый Нижне-Тагильский и Ново-Тагильский, в котором еще не все достроено.)

Посоветовал ехать на Магнитку.

После этих сообщений он вызвал Семена Борисовича Розенберга, исключительно умного и милого, лобастого человека, бывшего секретаря газеты «За индустриализацию». Мы с ним договорились встретиться в «Труде».

Вечером 7-го было общее собрание писателей... Я тоже выступила — насчет уральских писателей и о том, чтобы их выдвигать в центральные газеты и журналы.

Утром 8-го прочитала и сдала с рецензией рукопись Мусатова «Москвичка» в Профиздат; прочитала английскую пьесу Вейланда Родда и поговорила с ним о ней по телефону («Тень» — интересная, о неграх и молодежи мулатской в Америке. Очень всего в ней много).

В 4 часа — в «Труде», где с Розенбергом имели длительную беседу. Вот что он мне сказал:

«Потеря Юга для нашей металлургии — удар огромный. Лжет тот, кто думает, что это «ничего» для нас. Мы потеряли больше половины. Все, что раньше ложилось на целую страну, сейчас легло на один Восток. С Востока пришлось выкачивать максимум.

Задача военного времени выразилась вот в чем: необходимо восполнить потерянные массы металла и наряду с этим получить качественный металл, который раньше на Урале не вырабатывался (кроме Златоустовского и Серовско-Надеждинского заводов). Следовательно, надо было мелкие заводы Уралмета повернуть так, чтобы заставить их заниматься новым для них делом. В чем разница? Положим, завод делал кровельное железо; колебание в составе этого железа допустимо до 1 процента, от этого кровля особенно не пострадает, технологически процесс прост и несложен. Но когда делают военную сталь, калиберное железо — имеет значение колебание и в 1/1000 процента. Весь технологический процесс становится строже, сложнее, требуется точность. Навыков у людей для такой работы не было. И вот удивительное дело. Эти мелкие заводы, как это ни парадоксально, оказалось легче повернуть, чем Магнитку, и на этом определилось огромное значение человека на производстве. На этих мелких заводах сидят те же советские инженеры, они горят потребностью выдвинуться, сделать что-нибудь значительное, показать себя, решить трудную задачу. Да и рабочие кадры на таких заводах — это старое, демидовское племя. Вот почему освоение новой технологии произошло там легче и быстрее, чем на Магнитке. А инженеры на Магнитке избалованы, они привыкли к тому, что завод их лучший в СССР, последнее слово техники видели всякие виды, полны технической эрудиции и обросли коркой, которую прошибить оказалось труднее. Тем не менее и Магнитка сделала огромные дела».

Намечаю для себя по этой беседе 3 газетные темы: 1) старая уральская металлическая культура еще не учтена достаточно при въезде сюда новой... По существу, старое работает и идет вперед, лучше усваивает новое, быстрее, чем крупные новые заводы. Эти заводы недостаточно «уважили», поняли и оценили прошлое... 2) общая проблематика, что усвоено, где слабо, как надо предусматривать буду-

щее, чтоб хорошо работать в настоящем; 3) люди войны и люди труда — из одного корня, о командах производства, о типах, решающих судьбу обороны на заводе и в бою.

10/I.

Дни идут, а буквально ничего не делается стоящего! И для чтения обстановка неподходящая. Записываю для себя проезды: от Свердловска до Челябинска — 253 километра, от Челябинска до Златоуста — 161 километр, от Свердловска до Златоуста — 414 километров. В Красноуфимске — значительное месторождение огнеупорных глин и кварцевого песка, музей местного краеведения, красивая местность. Строгановские заводы — Нижне-Артинский и Верхне-Артинский (сталь, железо)... Ревда — интересные рабочие, революционные потомки демидовского племени....

Весь вечер правила для «Правды» свою статью «Доблесть древних русов». Отнимали ежеминутно свет. Утомление чудовищное. Еле-еле дотащилась домой.

11/I.

Хочу начать писать статью «Писатели Урала», материал для нее уже более или менее освоен.

12—15/I.

За эти дни написала статью «Фронт чугуна и стали» и сдала ее Хандросу¹⁰ для «Правды»: Розенберг проверил и сделал несколько критических замечаний. Статью считаю слабой, но они ее взяли.

Вышла сигналка «Двух мастеров».

Взяла в Библиотеке имени Белинского свой 1 том собрания, чтобы переписать для выступлений «Качество продукции». Сделала статейку «Кражи социалистической собственности», но «Труд», кажется, не берет.

16—25/I.

Морозы — 40° и выше, крещенские. За эти дни написала в ленинский [номер] «Труда» статью «Народная клятва». Потом статью «Под кнутом немецких баронов» (у меня было просто: «Немцы в Прибалтике»). На этом, надеюсь, покончила со статьями на январь. Сводки хорошие, многие поехали в Москву. Нас тоже крепко тянет туда.

Сейчас приступаю ко второй книге для серии «Бойцы трудового фронта». Нынче вечером собираюсь ехать в Нижний Тагил. Выпишу все сюда, что имеется о Нижнем Тагиле в путеводителе Афино генова.

<...>

Город Тагил. Основан тульским кузнецом Никитой Демидовым в 1725 году. Сперва как Нижне-Тагильский завод.

<...>

Черепанов. Статья Бармина в «Уральском современнике» № 1 за 1938 год.

<...>

Бармин в 1936 году нашел в архиве Демидовых материалы, освещающие судьбу Черепановых. 15 января 1825 года Никита Демидов писал из Флоренции своей Нижне-Тагильской конторе о том, что в Англии изобретение паровоза подняло цену на железо, так как его больше надо для постройки железной дороги. В это время все приводилось в движение на Уральских заводах силою воды: мехи для дутья у доменных печей, кузнечные молоты, сверлильные и катальные станки. Поэтому каждый завод — у плотины; производительность труда —

¹⁰ Хандрос Владимир Аронович — корреспондент газеты «Правда» в Свердловске.

от напора и количества воды. Плотинный мастер — гидравлик и архитектор, универсальный механик. По глазомеру — плотинное место, по памяти — расход воды и запас энергии на год.

Вешних вод надо было выпустить столько, чтобы не разнесло плотину и хватило до следующего половодья. Плотинным был Ефим Черепанов, крепостной, «домашний природный механик». Его ценил Демидов: «Другого человека в заводах ему подобного не имеется». <...>

Ночью выехала в Нижний Тагил поездом из Богословска. Дорога дивная, видела лишь на рассвете, но забыть нельзя — заснеженные мягкие горы в густом сосновом бору. Но, подъезжая к Тагилу, лесу уже не видишь — все голо, все съедено заводами. От станции к центру города по Привокзальной улице пошла пешком. Домики из толстых, основательных темно-серых срубов, с красивыми ставнями или наличниками, крашенными обязательно светлой краской (светлей сруба). Карнизы и наличники — в тонкой, очень красивой резьбе. Впечатление большого, старого, хорошего вкуса. Северное. Основательное. И в то же время изящное. Зашла на колхозный рынок. Полная пустота. Продают какие-то кусочки хлебных буханок. Центр Тагила — вокруг городского сквера, и все тут рядом.

Сегодня решила посвятить день культурным учреждениям Тагила, осмотреть музей и библиотеку. Музей близко от гостиницы, рукой подать, помещается в старом доме завоудования (демидовском). Вид отсюда на Лысую гору, сейчас всю в снегу, замечательный, на холмистые дали и на огненный дым из заводских труб в совершенно ясном морозном небе. Сейчас, как здешние жители говорят, тут тепло, всего —20 с лишним градусов мороза, а вот в прошлом году в это время было 55°!

Музей краеведения. Три отдела: общий, вводный, здесь природа Урала, ископаемые, исторический и художественный. Библиотека при музее состоит из демидовских книг, почти половину их забрал Свердловск и областной Свердловский архив.

Вечером в гостинице надо было записать впечатления дня. Холодно. Горячая вода — желтая, с плавающими наверху масляными пятнами. Уборщица сказала: «Мы все пьем такую воду, это от железа, в Тагиле вообще такая вода...» Нынче в 3 часа дня дала срочную телеграмму нашим. Завтра едем с Морозовым на рудник и завод. Сегодня была в горкоме у товарища Захарова, секретаря по металлургии, обещал 30-го принять меня для разговора о том, в каком положении черная металлургия на Тагильских заводах.

27/I. Н. Тагил, гостиница «Северный Урал».

На ночь зачиталась Геннином¹¹ и проспала. Осталась без завтрака, но не унываю, поела хлеба и отправилась в горком. Там пришлось в ожидании транспорта сидеть до 12 часов. Подали машину, и мы с Морозовым поехали на рудники. Опять мимо домны и музея. Домна на старом заводе имени Куйбышева, в непосредственном соседстве с гостиницей, где я живу и [откуда] постоянно вижу красивое красное пламя, выходящее из ее высокой трубы. Забыла записать, что в ожидании транспорта сходила с Яковлевым (милый и быстрый человек, все очень скоро и логично делает, не любит терять времени, не болтает, прекрасная память) на телефонную станцию посмотреть, как работают телефонистки...

Возвращаюсь к нашему путешествию на Высокогорский рудник.

Едем по типичной горнозаводской улице, начинающейся тотчас за заводом. Две горы доминируют над городом: Лысая с пожарной

¹¹ Де Геннин Георг Вильгельм (1676—1750) — специалист и организатор горного и металлургического дела в России. Автор книги «Описание уральских и сибирских заводов» (М. 1937).

каланчой над ней и Высокая. Подъезжаем к рудоуправлению. Дорога заснегена очень сильно, машина то и дело застrevает в снегу. Домики — из чудных, темно-серых от времени сосновых срубов, все в резьбе. У рабочих свои хозяйства. Живут в крестьянских избушках с огородами, с коровой. Подъехали к рудоуправлению, пошли к главному инженеру.

У него, между прочим, на стене — великолепная карта ископаемых Урала.

28/I. Н. Тагил.

Утром отправилась на Н.-Тагильский завод имени Куйбышева. Прямо к домам (с руководителем листопрокатного цеха Иваном Петровичем Колосовым).

29/I.

С утра засела за выступление. Вечером выступила.

30/I.

С утра — в горсовете. В плановом отделе говорю с Сергеем Николаевичем Панкратовым. Он явно не сочувствует моим мыслям (а я тут же зажглась перевести все заводы Урала на маленькие гидроустановки, для которых использовать все прошлые гидросооружения). Он мне категорически заявил, что воды в Тагиле мало, главная задача — найти воду для целей промышленности.

Работаю в библиотеке. «Исторический очерк Уральских горных заводов» Белова. Добрались до геологоизыскательной конторы — большой дом, на стенах карты, витрины с образцами. Начальник конторы — Василий Михайлович Логиновский (не забыть: обещала послать ему детские книги — две дочери, Елена и Ирина, и сын Юрий). Встретил он нас пасмурно, разговаривал неохотно. Высокогорский рудник — второй по количеству железа, после Магнитки.

Ночью мы пошли на рудник. Экскаватор стоял, понутив ковш. Пришел скоро Пестов, показал нам устройство, а потом сел и стал работать. Закричала верблюжинным голосом машина, ковш стал вгрызаться. Ковш у него прямо танцевал, со стоном разжимая челюсть и выпускав тучи руды и каменные глыбы...

С Осиповым — на санях в город. По дороге сани накренило, и мы с ним оба вывалились в снег.

Дома — неожиданное посещение работника из «Труда» и инженера-гидравлика Сергея Сергеевича Гинко¹², того самого, которого мы тщетно разыскивали в горсовете, и он мне блестяще подтвердил правильность моей мысли о восстановлении старых гидросооружений. Он сказал, что Америка, Швеция, Финляндия работают на маленьких гидроустановках, но работают при помощи автоматических регуляторов параллельно с крупными, и что это самая экономичная, рентабельная, легкая, разумная форма получения энергии и для Урала.

На том кончились мои тагильские очень содержательные впечатления.

31/I.

Утром выехала в Свердловск. Погода очень теплая, мягкая, жалко было уезжать из Тагила. Дома все в порядке, но наши хворают, девочка без мытья и воздуха. Телеграммы из Азербайджана и от Зощенко.

Из Москвы — опять ничего, за весь январь!

¹² Гинко С. С. — инженер, начальник Комиссии ленинградского Гидропроекта.

1/II.

Вот и прошел первый месяц нового года, а сделано, по существу, еще очень и очень мало. Весь день — попусту, была в библиотеке, взяла романы. Дома — Линуша в гриппе...

2—3/II.

Лежу с горловой болью. Ленка тоже кашляет.

Сегодня, 3-го, приступаю к новой книжечке: «Фронт чугуна и стали».

Написать 3,5 листа, отразить Урал, уральскую психологию и т. д. Февраль — все это время только писать и больше ничего.

4/II, Свердловск.

Вчера проваландалась в городе. Неудачи в «Труде» — погибают зря мои хорошие статьи. Газета сделала ставку на серятину и боится всего мало-мальски острого. Я уйду от них, ну их! В Профиздате поборола с Севастьяновым. У товарища Урина. Ему я сказала о своем впечатлении, что профорганизации сейчас работают пассивно. Если бы за бездейственность наказывали больше, чем за неудачное дело, у нас народ шевелился бы.

5—15/II, воскресенье.

Все эти дни проваландалась и проболела (и сейчас больна). Только два дня из этого зря пропущенного времени пошли на дело. По просьбе редактора «Красной звезды» Ортенберга съездила на завод, где директором товарищ Софонов, а начальник III цеха — Зубов, с которыми обошла весь завод сверху донизу. Ничего сюда не записываю, впечатление очень большое. Разрешена проблема смены. Отзыв об уральских девушках: на лету хватают объяснение, умные, толковые, выносливые, терпеливые, сообразительные. Видела их в работе, очень понравились. Статью написала и послала в «Красную звезду». Была на докладе Ферсмана. Это бонвиван, превосходный, жизнерадостный толстяк с лукавым лицом... но в докладе ничего нового не дал. Народу было много. Барто сделала интересный доклад о прошедшем в Москве писательском пленуме. Получила телеграммы от Зощенко, Лидочки, Джима и письмо от Шостаковича. Получила рукопись «Анант»¹³ от Гольдберг...

Приходил Ф. В. Гладков (говорили насчет антифашистской писательской конференции). Сейчас начинаю готовиться к работе. Я предложила Профиздату новую серию. Дам для нее книжку «Уральский город» (1,5 печатных листа), а остальной материал — «Фронт чугуна и стали» (2,5 печатных листа).

16—23/II.

Лежу больная. Две статьи: «Человек с ружьем» — для «Труда» и «Завещание павших» — в «Красный боец». Начала наконец кропать «Уральский город» — плохо, тягуче, густо, сделала с грехом пополам две главы.

24/II—19/III.

За это время — почти месяц — мало сделано, побывала в Уралэнерго...

Антифашистская конференция со всякими скандалами по поводу докладов и докладчиков. В конце концов я сделала доклад «Гитлер и немецкая книга» (с успехом). Нервы расхлябаны — хожу и скандалю.

Дружба с С. С. Гинко (заходит иногда по поводу малой энергетики — мы хотим с ним вместе поднять вопрос о восстановлении мелких гидротехнических сооружений Урала).

¹³ Пьеса М. Шагинян, написанная по мотивам сказки Хазароса Агаянца.

27/III.

...Дни просто мчатся. У нас: привили оспу Леночке. Телеграмма о выезде в Москву.

Написала статью «Вдохновение» о Босом¹⁴. Отделала свой доклад (кусочек его исковеркали!) для «Труда». Дала приветствие в шахматный бюллетень.

Денег ниоткуда нет. Пишу «Уральский город».

13/IV.

9-го ночью мы с Линой выехали в командировку в Москву.

До этого — пленум обкома союза печатников, я выступила с довольно критической речью, но поставила в ней важные вопросы... 3-го прошел мой вечер¹⁵ (было всего несколько человек), я читала Низами и сама наслаждалась, всем очень понравилось, особенно хорошо вышло «о преимуществе речи стихотворной перед прозаической».

Хлопоты с пропуском.

Докончила хорошо «Уральский город».

Сейчас едем уже пятые сутки, а до Москвы еще 400 километров... Планы у меня: закончить о нижнетагильских людях... Потом — поездка по Уралу, «Уральский дневник». В Москве: статья в «Известия» — «Всегда современник»; [статья] в «Правду» — «Трудовые резервы»; [статья] в «Литературу и искусство» — «Опыт работы писателей в тылу». Доклад на президиуме о том, как мы работаем в Свердловске. Выступление на книжной выставке. Правка «Уральского города». Женский митинг.

Знакомство с Подвойским¹⁶.

17/V, Свердловск, воскресенье, Милочкин день рождения.

Вчера приехали, погода была пасмурная. Нынче прекрасный день. Сегодня с утра прибрались, распаковались, я подготовила свое рабочее место и села сейчас поработать. Уже с головой в новой работе: Подвойский заказал мне книжку для пехотинцев о танке. Пока читаю и обдумываю (самое трудное — выбрать форму!). Вечером — Милино рожденье, у нас Пермяки, Хандросы, Тагильцев, Нечепуренко, Форши (Дима¹⁷ очень хороший). О. Д. Форш принесла свою новую пьесу «Пушки Монмартра» (о Парижской коммуне). Действительно интересно. Ольга Дмитриевна уезжает в Алма-Ату.

20/V.

Был вчера Виктор Васильевич Данилевский¹⁸, очень хорошо поговорили, у нас с ним идейное направление мыслей одинаково [относительно] концепции истории человечества: вместо Эллада — Рим — Европа Китай — Аравия — Персия — Азербайджан — Кавказ — Россия (в центре мировой истории). Обдумать! Это мне еще много, много, много посидеть над этими темами. Закончив «Оборону Родины», сразу возьмусь за Низами и через него — за тему Азии.

21/V.

...Вечером в 5 часов у нас было собрание в доме партпросвещения, выступал с докладом Иван Сергеевич Севастьянов. Мне конспектировали: книга должна быть трибуной передачи опыта. Во главе угла — темы героики труда. Писать с подъемом, образно. Часть книги будет печататься здесь, остальные в Москве. Избежать встречных перевозок. По матрицам печатать здесь. Надежда, что писатели Свердловска помогут.

¹⁴ Босы й Дмитрий — фрезеровщик, поднявший на Урале в годы войны движение тысячников.

¹⁵ 2 апреля 1942 года М. Шагинян исполнилось пятьдесят четыре года.

¹⁶ Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — советский партийный и военный деятель.

¹⁷ Сын О. Д. Форш.

¹⁸ Данилевский Виктор Васильевич, автор книг «Ползунов» (М.—Л. 1940), «Русская техника» (Л. 1949).

Я выступила дважды: один раз — после Севастьянова с содокладом, рассказала о Москве; второй раз — на заявление Гладкова, что переиздавать нельзя, надо сейчас писать новые книги. В общем, собрание прошло хорошо и принесло свои результаты.

Сегодня в час дня мы с Данилевским — в штабе Уральского округа, у полковника Александра Сергеевича Евдокимова. Чудесный человек, обещал помочь, свести в танковую часть, на танкодром.

24/V.

В 12 часов в штабе, оттуда — на машине с Евдокимовым и Данилевским. Хорошие улицы старого Екатеринбурга с деревянными домиками, с садами, все уже зелено. Тут недалеко живет Бажов. На танкодроме познакомилась с командиром бригады, с сестрой-дружинницей и с комиссаром Иваном Матвеевичем Дагилем. Потом с капитаном, помощником заведующего технической частью бригады. Часть боевая, перед отправкой на фронт. Мы договорились так: мне прийти во вторник в 17 часов — они подберут людей. А сегодня знакомство с танком. Выходим во двор, я — надев синий комбинезон и опоясавшись ремешком.

Лезу в танк. Внутри место для двоих, командир — он же стрелок. В танке очень тесно, и приходится здорово побиться туловищем о стенки и острые углы. Жесткая качка. Виктор Васильевич сказал: «Как в торпедном катере»; мой водитель ответил: «Пожестче». Мы проехались на танке, и это было страшно. Виктор Васильевич сел спереди, упираясь в люк вождения. Я — сбоку. Обожгла руку о глушитель. Рядом со мной поместился капитан, помощник начальника по технической части. Толчки, скорость — страшновато, кажется, вот-вот слетишь и вдребезги разобьешься. Но, в общем, наглотавшись пыли, благополучно вернулись, хорошо простились.

День огромной, приятной нагрузки. Если найду нужных людей — в госпиталях, в бригаде, — то книжка будет сделана.

Вечером записываю. Завтра чествование Данилевского, надо будет выступить, завтра сяду за статью о нем — «Новый тип ученого».

Попробую эту статью потом поместить в «Уральском рабочем».

25/V.

Нынче утром прочитала хорошую статью Данилевского «История техники как один из факторов технического прогресса». Удивительно, насколько интуитивно я его поняла и определила в своей статье «Всегда современник». Потом написала неважный доклад «Новый тип ученого» — это не стоит печатать.

Пришло письмо из Военной комиссии с книжкой Катукова о танках.

Вместе с Хандросами — на вечер. Народу собралось немного. Первое слово предоставили мне. Я говорила минут 30—40, сама осталась не очень довольна, хотя потом люди говорили, что было интересно...

После меня говорили профессор Введенский — историк, Каменецкий — электрик, местный краевед — старик, Хандрос (о Ползунове — как всегда, дельно), военные и сам В. В. [Данилевский], выступивший отлично, со вкусом и чувством меры. У него чудесная молоденская жена и очаровательная дочка. Жалко, что не было Бажова.

26/V. Свердловск, танковая бригада.

Я заблудилась и спрашивала в дороге у малышей, где танки стоят, но ни один мне не ответил — такие умные ребята. Хорошо, что встретила танкиста из части, и он отвел меня на прежнее место, до которого ни за что бы в одиночку не добралась. Там политрук Иван Матвеевич Дагилем привел замечательных людей.

Первым начал рассказывать Лошманов. Это молодой, плотный, круголицый парень с круглой головой и чубом над лбом, растиущим

вверх из-под танковой шапочки, глаза отчаянные, тоже вскинутые вверх, перед начальством навытяжку, «ест глазами», храбр, немного хвастлив, молод — ему 25 лет. Рассказать ничего не сумел, кроме общих фраз. Был до призыва в армию машинистом, работал в депо станции Котельниково Сталинградской железной дороги. После мобилизации в 1938 году послали в Харьковское танковое училище, которое кончил в октябре 1940 года. После этого служил в Пятигорске, а как война грянула — сразу в бой, за городом Смоленском командиром танковой роты. Было это 27 июня 41 года. Главным в своем деле он считает взаимодействие с пехотой и «сколачивание людей» в общий коллектив. Мы подняли вопрос о психологии, о том, бывает ли страх. Лошманов категорически стал отрицать всякий страх: «Мне подавай сто немцев — всех уложу». Поликарпов вдумчивее, это смуглый, краснолицый (с синеватым оттенком), худощавый человек, нос горбинкой, говорит очень тихо: «Перед каждой атакой происходит агитация комиссара — построить он ее должен на действительных фактах. У меня было так: раньше, в первые дни войны, какая-то незознательность, наивность, страха не было, точно и не война, потом, когда огляделся, дошло до сознания, появился страх. Вот тут-то и оказывается роль комиссаров».

Вмешивается Лошманов: «Я тоже раньше с открытым люком на врага ездил, а как бабахнуло осколками, так стал осторожнее».

Поликарпов: «Действует, когда видишь своими глазами, что сотворяет враг. Когда в Тихвин вступили, много было жертв на улицах». Лошманов: «Когда Медынь освободили, 27 сожженных наших нашли!»

Начинает рассказывать Иван Васильевич Васильев, молодой высокий парень, блондин, с приподнятым носом, узкой вдавленной переносицей, кареглазый, прямобровый — типично русский. Рассказывает он очень хорошо. Другие с интересом слушают. «Первый период моей боевой жизни — это марш 450 километров на колесах с 26 июня по 6 июля 1941 года, когда наша часть планомерно отступала в Белоруссию. Танки шли своим ходом, и по трое суток экипажи не спали, стойкость, твердость была проявлена удивительная. Наши танкисты сумеют в любых условиях выдержать все трудности. В этот мой первый боевой марш, когда, грубо выражаясь, мы драпанули от неприятеля, выяснилась выносливость русских людей, в частности танкистов. По уставу танк на колесах не должен пройти больше 100—200 километров маршем, а остальное — по железной дороге. А мы прошли все 450 километров на колесах. Второе — выяснилась выносливость материальной части. Машины замечательные, это заслуга наших рабочих. Танк — великая машина. Танкисты в атаку в пешем бою неходят. Но танкист болеет за то, что он остается вне массы людей. Я говорю о том, что танкистов, как и летчиков, запрещено использовать в атаке, в пешем бою. Так вот, они глядят, как пехота идет в бою, и так и тянет за ними, боль испытываешь. Летчики нам, танкистам, помогают хорошо. Когда мы подготавливаемся в атаку, они бомбят противотанковые пушки и артиллерию, чтобы дать нам возможность пройти передний край».

Так вот, промаршировали мы на танках 450 километров, приехали на место в 12 часов дня, а уже в 6 часов вечера пошли в атаку под местечком Сенная, даже ремонт не понадобился — до того материальная часть замечательная. Вступили в бой, машины работали отлично. Сна ни в одном глазу, сон перешиблен, танкист злой, как увидит кровь — ищет-рыщет отомстить.

Много значит в бою военная хитрость, вот я вам расскажу о двух случаях сообразительности. На Западном направлении, когда танковая атака противника была направлена против нашего переднего края, перед этим краем у нас был большой ров, мы его наполнили соломой, и когда танки подошли, подожгли солому. Тогда танки повернули от рва и обратили к нам свои бока (поворнули борта), а это

счастливый случай для артиллерии, мы начали бить их, и баки у них загорелись. Вот еще случай. За Смоленском есть болото торфяное шириной километров в пять. Наши поставили в нем фальшивые зенитные орудия, якобы настоящие. Немцы их обнаружили и двое суток бомбили это болото, массу снарядов и бомб потратили.

О себе что же сказать? В армии с 1928 года, родился в 1906 году. Папаша с мамашей занимались крестьянством в Ленинградской области. Они в Пскове остались, мамаше-старушке уже 73 года, живой ей не быть. Нам надо немедленно освобождать Псков. Эта война размаскировывает людей, всех мы видим — кто друг, кто враг, в каждом mestечке люди проявили себя до сердца».

Следующим говорит Павел Карпович Радецкий, политрук роты, совсем молодой, ровесник революции, 1917 года рождения. Внешность его — ладный, небольшой, лицо круглое, смуглое, глаза черные, выражение немного детское, но с глубиной, с напором. Он родился в Каховке, был в колхозе рядовым колхозником, призвали в армию и сразу сделали заместителем политрука, а после политруком. Учился в Курске в политучилище, оттуда сразу — на переподготовку и прямо на фронт, Западный и Юго-Западный. Было это 3 июля 41 года.

В Красной Армии вступил в партию. «Вся моя сознательная жизнь прошла в армии,— говорит Радецкий.— Больше всего я люблю разведку... Первое мое боевое крещение — Бобруйск. В боях под Бобруйском особенно отличились артиллеристы, в одном только бою два наших противотанковых орудия подбили 11 немецких танков, мы ими прямо восхищались, они здорово нам помогали. Основное у меня — это разведка.

Первая наша разведка шла по тылам. Идем небольшой группой, тьма полная, узнаем друг друга по звуку, своих по паролю, звук от своего и вражеского танка разный. Проедешь немного, остановишься и слушаешь. Встретил немецкую разведку. Их было два броневика, шесть танков и два мотоциклиста-связиста — гораздо больше нас. Но все же я решил принять бой. Первый удачно проведенный фланговый удар вывел из строя головную немецкую машину, танки пошли с флангов в обход, чтобы ударить немцу в борта,— это лучший ход танка, так как борта наиболее уязвимы, в лоб не пробьешь — труднее. Сразу у них произошло замешательство, танки их стали сворачивать; пользуясь этим, мы сбили еще две машины. Я вел разведку на протяжении четырех месяцев. Разведка наблюдением — это редко сейчас в этой войне, чаще разведка боем.

О воспитании бойца. Для того чтобы воспитать бойца, надо прежде всего, чтобы он полюбил меня — это основное. К каждому бойцу в отдельности подход нужен. Характер не у всех одинаковый. Как основной метод — индивидуальная работа».

Здесь мы сделали остановку, так как пришло время им спать, а мне — ехать домой.

В этот же день я познакомилась со старшим политруком, представителем ПУРа, который обещал подвезти меня в другую часть, где мне покажут стрельбу и манипуляции с танками и покажут Героя Советского Союза — танкиста. Фамилия этого политрука Губайдуллин.

Интересные выводы этого дня: наши новые резервы, вступающие в бой летом 42 года, обучаются командирами и бойцами (и комплектуются), вынесшими наше летнее отступление 41 года. Поэтому они обучаются уже опытом летних боев, и настроение у них оптимистичное, потому что и в отступлении было много побед... Обучающие, как правило, получили в этих боях ранения, были в госпиталях по 2—3 месяца, а потом в учебных частях. Сейчас — летом 42 года — в госпиталях лежат уже раненые в зимнюю кампанию, имеющие зимний опыт, и они будут обучать те части, которым придется вступать в бой зимою, если к зиме война еще не кончится. А у немцев наобо-

рот. У них резервы обучаются на летнем опыте наступавших — опыте, по существу, безопытном, так как основан он на внезапности нападения, то есть на факторе, которого сейчас нет. А результат этого сорвавшегося наступления для немцев оказался плачевный, и поэтому новые солдаты от своих учителей вряд ли получат хорошую зарядку.

31/V—2/VI.

Пять дней дома больна... З дня была очень высокая температура. За эти дни, что я лежала (был Смуглый, говорил о «Красной звезде», о том, что писала «Танкистов»), читала летопись Нестора, «Севастопольские рассказы» Толстого, 2 тома записок Восточного отдела Эрмитажа.

4—7/VI.

Поехала работать в Шарташ, но там ничего не сделала, кусали комары и вообще плохо — мигрень, глаза болят, раскисла. Лето уральское переносится очень плохо, несравненно хуже, чем зима. Сегодня вернулась домой. Работа не делается, я в отчаянии.

8—10/VI.

Продолжаются тщетные попытки наладить работу. Пока — ничего... Лина 9-го свезла на Уралмаш моих «Двух мастеров». С большой любовью читала книжечку Профиздата и радуюсь — такая хорошая, нужная получилась серия «Бойцы трудового фронта» и в ней все хорошо.

Сегодня в ОДКА¹⁹ — на докладе Волгина²⁰ об истории Отечественной войны на Урале. Невероятно сумбурно, сами не знают, чего хотят и во что это выльется...

В общем, у меня было от сегодняшнего заседания чувство большой потери времени и неудовлетворения. Сама я говорила о том, что нельзя дублировать работу в такое время, когда каждая минута дорога; надо начать с учета, с опроса всех организаций, где, что делается, что можно было бы использовать как материал для истории Отечественной войны на Урале, сослалась на большую работу Профиздата и его серии «Бойцы трудового фронта» — о промышленности — и «Слава русского оружия» — о военных частях. Потом посоветовала договориться с обкомом, чтоб он снабжал всеми получающими с периферии газетами «Уральского рабочего» и чтоб там по заранее составленным в комиссии разделам классифицировали весь материал. Потом сказала, что надо не только собирать, но и делать работу обобщения в самом процессе сортирования, тогда эта работа будет иметь значение и для сегодняшнего дня. И предложила два основных принципа, по которым надо строить работу: 1) что Урал дает обороне; 2) что война дает Уралу (рост населения, активизация производительности труда, множество новых рационализаторских открытий в промышленности, поднятие таких вопросов, например об энергетике, о транспорте, которые в мирное время Уралу не так легко и скоро удалось бы поставить, и т. д.). В общем, по этим двум руслам и потек бы в комиссию материал, уже содержащий в себе наметки для обобщения.

Вечером — тщетные усилия работать. Читаю Тян-Шанского об Урале...

11—13/VI.

Три дня тщетных попыток писать танкистов. Сперва написала повесть — вышло плохо. Были Богораз и Стеркин из «Красного бой-

¹⁹ Окружной Дом Красной Армии.

²⁰ В о л г и н Вячеслав Петрович (1879—1962) — советский историк, академик.

ца», потом был комиссар штаба бригады Бармин (уралец), дала им прочесть все, что написала,— раскритиковали. Вижу, что задача не по моим силам. Я и не знаю, что мне делать с танкистами! Страшно, что ничего не выходит.

14/VI.

Сегодня утром за мной заехали на мотоцикле из моей бригады. В мотоциклетке ехать — привычка нужна. Очень большая скорость, сердце захватывает, потом чувство близости к земле и невероятные толчки, растрясло основательно.

16/VI.

Сегодня весь день ушел на хлопоты по получению пропуска в Челябинск для Ивана Матвеевича Дагилиса. Когда все бумаги были уже готовы, выяснилось, что легковая машина нашей части испортилась и стоит на ремонте. Пришлось поздно вечером созваниваться с «Красным бойцом» и просить у них машину. Машину завтра утром дадут, но не пустую, а с сотрудником газеты, бывшим правдистом Богоразом. Это нам перепутало все наши планы — сперва должны были ехать 3 человека от танковой бригады, потом осталось 2, а сейчас уже и второй отпал — только один Дагилис.

17/VI.

Рано утром мы начали собираться, но, как всегда бывает, тронулись только в половине 10-го. С нами ехал шофер Мансуров от «Красного бойца». Поездка началась в чудесный, редчайший день (первый за все это время на Урале): чистое, без облачка, небо, свежо и нежарко, без ветра, в тихом воздухе множество запахов — липы, земли, сосен, как после грозы.

По выезде из Свердловска слева — большой пруд и Нижне-Исетский завод на красивом холме. Дальше, в 16 километрах от города, — удивительной красоты местность и вдоль дороги выходы кварцитов. Станция Арамиль. Забавная картишка: дворник подметает метлой шоссе. Каланчи (характерны для всего Урала), пожарные башни, каменные и деревянные, наверху флаг и сторожевая площадка. Сысерть — леса, степь, лес. Множество комаров и мошек, входить в лес просто опасно — они кидаются и сосут человека. Хлеб не всюду хороший, есть поля — как сухие трещины, из которых на расстоянии 25 сантиметров друг от друга — реденькие колоски. Много прекрасных, но загрязненных, запущенных озер. На озеро Щелкун обратил наше внимание Бажов еще до поездки: оно гибнет. К 6 часам вечера приехали в Челябинск, миновав много татарских деревень (Тюбук и т. д.). Свердловская и Челябинская области резко различаются по пейзажу: Свердловская — сосновые леса, кое-где на горизонте холмистые горные линии (невысокие); Челябинская — лиственные леса и равнины, больше влаги, тепла, мягче воздух. Появляется в дыму заводов Челябинск, но еще до него слева — светлая узкая лента красивой речки Миасс. В силуэте города самое яркое виденье — черного многотрубного Чегрэса, слева, не доезжая до города, — большая мельница со своим городком и сосновым парком, справа — цинковый завод. Челябинск резко делится на старую и новую части. Старая — провинциальные крепкие деревянные домики с садами, новая — огромные постройки... Масса зелени, улицы широки, асфальтированы, таких улиц в Свердловске нет. По въезде в город сейчас же поехали в танковый полк, познакомились с комиссаром Кравченко, от него — в гостиницу, где получили два номера... Помылись, потом в военной столовке поужинали и — на ночное учение. Когда мы, как условились, подъехали к части, нас уже поджидали двое мотоцилистов, которые поехали вперед, указывая нам дорогу. Вечер был, но еще светло, на горизонте туман от городских испарений и клубы дыма

из заводских труб. Мы выехали за город, стало быстро темнеть. Земля под нами вся вспахана крепкими бороздами от танков. Сыро и холодно было стоять и ждать. В темноте мы ждали наши танки, но их не было. Вокруг стояли, укрытые брезентами, огромные машины. Вдруг из клубов дыма и облаков показались очертания наступающих гигантов-машин, они шли с ревом. Они вынырнули на горизонте совершенно так, как описывают учебники первое появление танков: в предрассветное утро из тумана в исторической битве при Камбре 20 ноября 1917 года, где англичане смяли немецкий 12-километровый фронт, захватили 100 орудий и 8 тысяч пленных, или под Амьеном, где участвовало 580 танков, уничтоживших 22 тысячи немцев и взявших 400 орудий. (Битва под Амьеном 8 августа 1918 года названа немцами черным днем германской армии.) Машины возникали одна за другой, огромные, страшные, и, как скрежещущие привидения, проплывали мимо нас. Это были машины не нашего учебного батальона... Впечатление от них незабываемо. Хотя ночью трудно разглядеть, в их «лицах» — выпуклостях на башнях, из которых торчат дула пушек, — есть что-то ехидно-насмешливое. Таково было последнее впечатление дня.

18/VI, Челябинск. Тракторный завод.

Созвонились — оказывается, Хандрос, как обещал, уже позвонил второму секретарю завода Ивану Степановичу Савельеву. Когда мы пришли в партком, он нас усадил и принял рассказывать (худенький, среднего роста, круглолицый):

«Завод наш огромный, состоит из трех коллективов. Во-первых, старый местный ЧТЗ, Челябинский тракторный; во-вторых, Ленинградский завод имени Кирова; в-третьих, Харьковский моторный завод. Полностью вывезли оборудование, командный состав завода. Стали набирать кадры. Основные — это из окончивших десятилетки, фабзавучников, домашних хозяек. Мы их прикрепили к лучшим стахановцам. Учатся от двух недель до двух месяцев, а там выходят на разряд. Раньше они больше учились. Бронетанковое училище помогло. Мы шефствуем над Челябинским бронетанковым училищем и держим с ним хорошую связь. Училище выделило группу воентехников — 75 человек, и эти грамотные люди были брошены на самое узкое место. И помогли. Работа у нас шла не гладко. По танкам выполняли график. По моторам дело было плохо.

Двадцать третьего числа стали входить в график и перевыполнять, работали по-фронтовому, дней 5—10 люди буквально не выходили из цеха, но задание было выполнено. Соревнуемся с заводом в Нижнем Тагиле. Если требуется, помогаем друг другу заготовками, материалами. Когда было очень трудно на [этом] заводе, то мы туда посыпали Зальцмана²¹ вытянуть это производство, а у нас за это время обязанности директора выполнял главный инженер Махонин».

...Прежде чем идти на завод, мы отправились побеседовать с товарищем Махониным. Это крупный, смуглый, круглолицый, простой человек (плотный), вообще впечатление округлости от него, страшно молчаливый. Но со мной он помаленьку разговорился, верней, разгосрелся — на вопросах техники.

Он подвел нас к окну и показал на большие новые корпуса: «Там в прошлом году, шесть месяцев назад, трава была». Приехал он на завод 9 июля 41 года. С тех пор построены заново танковый завод и еще часть моторного. «Главная беда — людей мало. В прошлом году было очень тяжело. Сейчас лучше, выправились. Кормим 180 тысяч человек рабочих с семьями. В апреле и мае организовали свою охот-

²¹ Зальцман Исаак Моисеевич — директор Челябинского (Кировского) танкового завода, Герой Социалистического Труда.

ничью бригаду, имеем 4 своих озера, 6 неводов, подсобное хозяйство в 6 тысяч га, но этого мало, хотя оно и замечательное. Правительство выделило нам еще 8 тысяч га, только облисполком не желает давать... Челябинская область очень богатая. До войны она давала 10 процентов урожая всего Союза (эта цифра на совести Махонина, конечно, она невероятна!), здесь всего много. Мы сейчас делаем у себя в цехе лопаты, грабли, замки, горшки, зажигалки — 70 наименований, на 60 тысяч рублей по твердым ценам на сегодня. В начале апреля засели за это, а сейчас разворачиваем договора с районами в обмен на картошку. Освоили мы кокильное литье... затраты по труду уменьшаются раз в 15—20, производственная площадь уменьшается раз в 10. Качество [улучшается] раза в три.

А вот еще одно мероприятие, сэкономившее нам 100 тысяч рублей до конца года. Взгляните на эту деталь.— Он показал нам кольцо, плоское, с отверстиями в нем.— Эту деталь надо было делать сперва на 1) токарном станке, потом на 2) сверлильном, 3) автомате для шрифта, 4) шлифовальном. А вот посмотрите на другую деталь.— Он показал кольцо с выпуклыми бугорками, с той стороны вогнутыми.— Она совершенно заменяет первую. А для нее никаких станков не нужно. Все в ней делает один штамповальный пресс».

Махонин пынял нас в [цех] ширпотреба, где мы видели (правда, грубые, непрочные и дешевые — липовый товар!) огородные лопатки, гребенки, чащки, горшки огнеупорные, чайник белой жести, грабли, ведра, весы, таган, умывальник, стамески, отвертки, шило, молотки и т. д. и т. д. Познакомили нас с главным конструктором КБ — [Ж. Я.] Котиным.

Только теперь мы смогли двинуться по заводу, в котором предстояло увидеть очень многое за очень короткое время.

Цех 200 — мелкие стальные детали, здесь мастер Гаркавенко. Идем мимо, останавливаемся возле людей, смотрим «пейзаж» — хорошие светлые корпуса, работа чистая, машинная. Титова, челябинская девушка, дает 200 процентов. Она из инструментального цеха, где работала на техническом контроле, сама пошла к станку. Работает второй день, нравится. Ямова — обучается на шлифовальном станке, около нее контролер. На токарном станке работает Желтовновский из ремесленного училища, сам — Орловской области... Токарь III разряда Сафонов Андрей, Смоленской области, Шумячинского района, из ремесленного училища.

Цех 150. Обработка коленчатого вала, шатуна, распределительного вала и гильзы, т. е. основных крупнейших деталей мотора. Здесь со мною много говорил заместитель начальника цеха Лев Аронович Маргулис, картавит, нервный, подергивается, очень хорошо говорил, умный:

«Не все текло гладко, у нас были срывы, был брак. Народ работал дружно. В момент нашего прорыва не оказалось достаточно рабочих. Нам перебросили 70 женщин из торговых организаций, и все работы делались при их участии. Они уже остались у нас, и мы их через 10 дней не отличали от кадровиков. На третий день они работали самостоятельно, притом на таких работах, на которых были лишь мужчины — фрезеровка по тавру, шлифовка отверстия в шатуне на станке Брайнд и т. д.».

Проходя по цеху, я кое с кем из них познакомилась. Из заводской столовой Зинаида Дмитриевна Мясникова, работает второй месяц; из Трактороторга — продавец Щербинина, 15 мая начала работать и в мае уже шлифовала; учительница из школы № 26 цинкового завода Мещерина, с 19 мая работает самостоятельно, по наряду, сдельно...

Маргулис еще сказал: «Домашние хозяйки особенно хорошо работают, они внесли даже новое. По-домашнему ходят за станком, наиболее дисциплинированны, любят все делать экономно, аккуратно.

У них наибольшее чувство бережливости. И не уйдут из цеха, пока им не скажешь, пока не кончат задания».

Цех 1000. Цветное литье. Грязный, узкий, невыносимо заставленный цех, где невозможно работать и нечем дышать (плохая вентиляция). Бледный, невеселый народ. Бригадир мастер Александра Андреевна Ефимова подходит к нам и начинает показывать свой цех. Она сама челябинская. Подводит нас к «молнии», где говорится о ее бригаде: «Тов. стерженщики! Следуйте примеру женской фронтовой бригады — Пунтиковой, Захаровой, Экстромских, Шляховой. Они заформовали в ночной смене 102 ленты, выполнив задание на 300 процентов».

Цех боеприпасов. Это в том же отделении. Делают стержни для мин. Люльки конвейера носят горячие снаряды. Здесь стоит очень молодая, молчаливая, с сосредоточенным лицом блондинка, исполненная необыкновенной грации. Пана Карпова. Она точными, изящными движениями делает стержни для мин и ставит их на скользящий мимо конвейер. Все делается быстро. На работу ее я заглядывалась. Начальник цеха повел меня дальше и показал на девушки, которая берет с подставки, находящейся за ее спиной, заготовку и переносит к себе на станок. В день она делает этот оборот 5 тысяч раз и за смену, стоя на одном месте, проходит 20—30 километров. Здешние люди — кировцы, ленинградцы. В работу они вкладывают душу. Глядела я на них и почувствовала, как стиснуло сердце и потекли слезы — от такой жертвенной, прекрасной, чистой работы, от такого сжиганья своих молодых жизней.

Прошли сборные цехи, где увидели уралмашские каркасы уже заполняемыми. Тут стояли в ряд наши «КВ-1С» и на них по 5 человек будущего экипажа. Танкисты так и обживают их в цехе, выводят, проверяют, тут же дают знать о неполадках, основная трудность — освоить мотор. Машины стоят нумерованные и мелом — фамилии командиров. Я пошла к Махонину и серьезно поговорила с ним насчет вентиляции в цехе цветного литья. Цех этот сейчас задерживает весь завод, он его слабое место, и в нем главная трудность. Но трудность эта — отсутствие людей квалифицированных — объясняется, мне кажется, тем, что условия труда в этом цехе невыносимы... Поэтому я ему сказала, что если он там не наладит вентиляцию, то я как-нибудь доведу этот вопрос до центра. Он — большой, мохнатый, круглый и приятный человек — призадумался и ответил: «Я скорее переведу все операции на кокиль, вот это да, вот это будет выход». И мне ответ его очень понравился, хотя я и сказала ему: «А до этого сколько людей покалечите и программ недовыполните?»

19/VI, Челябинск.

Утром я зашла в книжный магазин, и мне там обещали книгу «Ильменский заповедник». Позавтракали в полковой столовой, потом, с мотоциклеткой впереди нас, поехали на поле, но уже не на позавчерашнее место. «КВ-1С» вблизи. Наш комиссар Иван Матвеевич подбежал к маленькой машине (она больше не производится — «Б17», быстроходная!). Это легкий танк в 13 тонн, он проходит до 120 километров в час на колесах, до 70 километров в час на гусеницах... В нем четыре больших колеса. Комиссар назвал его «маленькая Бетти».

20/VI, Челябинск — Свердловск.

Утром выехали. Дорога — лес, шиповник, ковыль. Хорошо было.

21/VI—8/VII.

За это время — тщетные попытки работать, написала 2 статьи. Перевод из кандидатов в члены партии (на бюро — 15 июля, а низовое общее собрание — в июне). 8 июля — 25 лет нашему браку с

Джимом. За эти дни — «Урал готовит резервы» 4 статьи и о Челябинске — «Новое техническое сознание». В «Труд» — «Проклятие Гёте». Все нехорошо, но довольна.

9—11/VII, Свердловск — Ревда.

Подготовка к выступлению. Забыла записать, что мы с Пермяком выступали в воскресенье, кажется, в парке культуры и отдыха — неважно, шел дождь. Сам парк очень приятен, лес, много воды. 11-го мы выехали выступать в Ревду автобусом — Гладков, Бажов, Ромашов, Садофьев, Гудзий, жены Гудзия, Ромашова и Гладкова. Германов — устроитель. Что касается меня, я решила не только выступить, но и остаться дня на 3 в Ревде.

Поездка в Ревду.

Шоссе на Ревду — та самая Владимирка, дорога на Москву и Владимир, по которой, звеня кандалами, шли наши каторжники в царские времена, шел Достоевский. Справа от шоссе памятью об этом прошлом — небольшие горы, Варначьи, сюда бежали каторжники. По шоссе до деревни Ростать мы ехали в автобусе. Не доеzzая, справа большой мраморный обелиск: с одной стороны (свердловской) — надпись «Азия», с другой, ревдинской, — ...«Европа». От деревни мы покидаем тракт (он идет на Первоуральск) и заворачиваем налево, перееzzаем тихую и небольшую здесь Чусовую и по ужасным ухабинам еще километров 12 — в Ревду. Пруд — узкий, но длинный, на 25 километров, для сплава. На горизонте — Волчиха. Мы поздно приехали, к 10 часам, и нас уже ждали, перед клубом вся площадь была переполнена. Встретили — писатель Дмитриев, москвич, секретарь горкома Лукич — высокий, с орденом, донбассовец, и другие, которых сразу не разобрала. Наше выступление очень удачно было, хотя и затянулось до часу ночи. Сперва говорил профессор Николай Каллиникович Гудзий — «Война и народ в изображении Толстого». Около часу. Потом я, с полчаса, — «Слово мое будет о вас» и говорила о синтезе уральского мастерства с южным дерзанием, о причинах, решавших победу, о новой технике. Вышло очень хорошо как будто. Потом — антракт, и после антракта Гладков прочел свой рассказ «Опаленная душа», Садофьев читал уральские стихи, П. П. Бажов, потом Ромашов прочел целую пьесу. Он очень хорошо читает. Но чью они все поехали обратно, а я осталась, чтобы побывать на заводе. Меня забрал ночью к себе директор завода С. М. Петров — высокий, во френче, очень крепкий и энергичный мужчина; он вызвал свою жену, которая и повезла меня к себе. У них я провела потом три ночи и очень с ними подружилась. Уснула крепко в отдельной комнате директорской квартиры, меблированной по-казенному.

12/VII, воскресенье. Ревда.

Утром Александра Александровна Петрова тихо и вкусно собрали завтрак — огурцы, галушки, хлеб, чай и т. д. К 10 часам вышел директор, Семен Михайлович, — веселый и улыбающийся, чем-то в улыбке похожий на карабахца. За чаем мы с ним успели хорошо поговорить. Записываю его рассказ. Сейчас он директор завода, составившегося главным образом из одной части Кольчугинского. Делают они (протягивают) медные трубки для легких танков и самолетов — от небольших до самых крохотных, капиллярных.

«Я был начальником отдела наркомата (Наркомцветмет). С момента войны все военные дела — на мне. Москвич, родился в Московской области. После окончания вуза работал в авиационной промышленности (Авиахим) 10 лет. На заводе — от помощника мастера до начальника цеха, начальника производства, директором двух заводов и даже полгода — начальником треста. Люблю людей, умею с ними обращаться и работать люблю. Начальником отдела был, когда эвакуировали сюда 800 кольчугинцев. Знаете, что

такое Кольчугинский завод? Находится он в Кольчугине Ивановской области, за городом Александровом. Старинный завод, существует 75 лет. Единственный в СССР по обработке цветных металлов... Размеры его таковы, что секретарь обкома в течение 6 часов обходил только половину завода. Это был университет для техников. Кадры его из поколения в поколение росли, от деда к отцу, сыну, внуку и т. д., замечательные мастера среди них. Выпускал он до 100 разных сплавов, а литье особое у него — целотянутое, завод не отливает, а тянет, вы сами это увидите. Так вот, этот Кольчугинский завод выехал на Урал и поделился на 6 частей, 4 — крупных, наш завод представляет только один его цех, а еще есть в Салде, в Орске и т. д. Я давно его знал. До войны 7 месяцев был на Кольчугинском заводе. Было [решение] об улучшении качества. Завод не справился, стали много браковать, давали от 40 до 50 процентов брака. С этим не могли согласиться. Я был в то время главным инженером главка, и меня послали выправить дело. С задачей мы полностью справились. С первого месяца стали выполнять план и все время его выполняли, получили красное знамя. После этого из Кольчугина я ушел опять на старую работу. Была у меня серьезная операция, швы не заживали, я взял отпуск для лечения, но тут началась война, так и не лечился. А тут как будто и не болел.

Вы у нас на заводе видимого глазом конвейера не найдете. Но тем не менее у нас жесткий конвейер, так называемый принудительный поток. Это означает, что операции так тесно друг с другом связаны, что если одна какая-нибудь навредит, весь завод остановится...

На заводе у нас почасовой учет. Каждый час мы видим, что у нас делается... 15 июня 1942 года завод награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ну, едем на завод!»

Мы сели в машину, по дороге к нам присоединился главный инженер, и поехали на завод. Ревда мне напомнила армянские нагорья. Очень хорошо — простор, вольный воздух, широчайшее плато, как круглое блюдо вокруг горы с острой вершиной Волчицы, с которой, говорят, в ясный день видны Свердловск и чуть ли не вся Чусовая. Дышать чудесно, воздух горный, разреженный, не душно.

Полина Яковлевна Павлова, начальник цеха № 4, орденоноска, награждена медалью «За трудовую доблесть».

«Цех мой несколько месяцев держал в Кольчугине переходящее знамя завода. Я кончила Урало-Казахстанскую академию. Росла сиротой, уроженка Кольчугина. Вышла замуж, рано осталась вдовою, в 27 году вступила в партию и решила, что все мое утешение — быть в партии полезным членом. Двое малолетних детей на руках. Была я работницей Кольчугинского завода. Решила, что надо учиться. Поехала в ЦК партии и добилась — после окончания академии стала мастером в Кольчугине. Я училась еще год без отрыва от производства. Так и выросла до старшего мастера, а потом до начальника цеха».

Я спросила у Павловой, что она думает о Егорове (молодой приятный парень с начесом волос на лоб, с орденом Ленина на груди).

«Егоров потому получил орден, что в труднейших условиях, когда эмульсия замерзала и руки мерзли, организовал людей и стал выдавать продукцию. Он очень умен. Он приходит раньше всех в цех, видит, что не хватает у такого-то мастера заготовки, и заранее достает. В трескучие морозы, когда рабочие идут на обед, он, глядишь, в 20 минут все за них, что нужно, делает. Остается после работы, сам других учит».

Григорий Михайлович Егоров стал рассказывать:

«Родился в 1911 году в Кольчугинском районе Ивановской области. Из деревенских. Работать пошел с 1929 года. В 1933 году взяли в армию. Кончил Всесоюзную автобронетанковую школу. Имел благодарность и премию. Получил диплом. Когда приехал из армии, по-

ступил в трубочный цех в Кольчугино в 35 году подносчиком — таскал груз. Полюбил это производство, пошел в цеховой комитет просить, чтобы направили на трубоволочильное производство. Проработал 6 месяцев подносчиком, поставили меня на волочильный станок. Проработал я всего месяца два. Открылись курсы... В первый набор попросился, чтоб меня послали туда. В 1938 году окончил эти курсы, диплом защитил прилично. Сразу мастером смены сделали. Очень часто моя смена как одна из лучших была в печати. В 39 году меня приняли в партию. А в день выборов в местные Советы депутатов трудящихся был избран в депутаты Кольчугинского районного Совета. В 1941 году наш завод стал эвакуироваться. Как только сюда приехали, нас разгрузили в клуб, и вот переночевали мы там ночь, не успели еще расселиться по квартирам, поехали мы сюда двое — Ефимов, старший мастер, и я — просто посмотреть, где завод. Когда мы приехали, тут ничего не было, только несколько станков в одном цеху, и шло строительство большого здания III цеха, ни крыши еще не было, а месяц ноябрь, снег. Когда мы пришли сюда, попали [на глаза] директору завода Миленчуку (он и сейчас в заводоуправлении). Он нас увидел, не дал съездить назад в клуб и тут же командировал в Салду, чтоб показать им, как работать на прессе: у них был установлен пресс, а работать они не умели. Они работали на другом сплаве, а мы должны были показать, как нужно прессовать медь...

Когда мы приехали, несколько станков уже начали работать. Стали укомплектовывать смены. Ну, известно, каждый мастер старался забрать к себе кадры, мне никого не осталось. Пришлось иметь дело с новыми кадрами. И вот первое время моя смена шла отстающей. Зная меня, Ломако шибко упрекал: «Как тебе не стыдно, ты в Кольчугине хорошо работал, а здесь ты отстающий». Я ему: «Обожди». А он: «Фронт не ждет». В это время назначили мой отчет на бюро. Я объяснил бюро, но все же заверил, что в ближайшие десять дней моя смена [план] будет перевыполнять. Я решил не выходить из цеха. Начал серьезно обучать смену. 12 часов мастером работаю, а часов 8 на станках — руки [новичка] берешь и с ним вместе работаешь. — Егоров нервыми руками взял мою руку и показал, как он показывает руками, работает вместе с новичком. — Кто лучше работать начал, ему даешь три человека, себе берешь пять. Новые рабочие состояли из ревдинской молодежи лет 16—17. Первое-то время не смотрели на то, что он малолеток, работал тоже 12 часов. Но работали мы в таких условиях: на тебе все гремит. Варежка — она гремела, эмульсия замерзала, вода замерзала, цеха стояли неотапленные. В фуфайках нельзя было работать. Все выдержали. Моя квартира в десяти минутах ходьбы, а восемь ден не был дома ни одной минуты. Семья у меня: жена и четверо детей. Она у меня домохозяйка, из семьи крестьянина, Анна Федоровна, детишки от семи лет и до года, три сына и одна дочь... Все мои, все хорошие, но маленький всех забавней, Анатолий. Другие — Валентин и Виктор. А дочь живет в деревне в Кольчугине у бабушки. Была очень нужна наша продукция фронту. Телефон Сталина: во что бы то ни стало энное количество дать. Все явились — и секретарь обкома, и ряд работников... И вот очень скоро моя смена завоевала знамя. В моей смене 4-х человек наградили, а я Ленина получил. Вот как оценили мою работу. Мы Петрова давно знали — он, главное, исключительно чуток ко всем запросам. К нему когда хочешь иди. Он очень чуткий и веселый. Вообще он любит людей. Каждому объяснит, как сделать и что сделать. Рабочие любят директора. Чем я беру? Когда человеку внушишь, куда эта трубка, да спросишь, кто у тебя на фронте, в какой обстановке сейчас находишься, у него и поход другой. А кричать: «Давай, сукин сын!» — этим не возьмешь. У меня заработки хорошие, так рабочие сами ко мне просятся. Наше дело как будто про-

стое, а попробуйте без учебы, без практики — ни одной трубки не протянете, оборвется. Буслаева — моя ученица, стахановка. Сейчас я старшим диспетчером. Мой цех № 2 — главная основа, мы прессуем. Какая смена отстает, там начальник цеха приставляет меня: «Егоров, отвечаешь за такой-то участок, чтоб его выправить». И выправляем. Я обожаю производство... И сейчас я работаю с 9 утра и до 12 часов ночи...»

После него подошла милая уральская девушка с толковым, острым (верней, тонким) лицом, Анна Григорьевна Буслаева, из Нижних Серег, 1916 года рождения. Отец ее был плотником, в германскую войну ранен. Любит Урал. Сюда приехала, устроилась на Первоуральском новотрубном. «Там трубы тяжелые. Отгуда лучших рабочих откомандировали сюда — обучить работе. 19 декабря приехали сюда. До сего времени и работают здесь. Когда приехали — инструменту мало, заготовки мало. Егоров хорошо помогал, таких больше мастеров не знаю, когда он уходил в диспетчеры, я даже плакала. Дело сразу усвоила. Обучала Булатову, волочильщицу, на поселке живет. Кроме того что сама работаю, еще обучаю. Одна дочь у меня, 5 лет. Отец на фронте, уже три месяца не получала писем. Он сам ленинградский, когда я жила в Первоуральске, мы и познакомились и поженились. Он Карпов, я Буслаева. Сейчас очень большие нормы. Тут хорошо, квартира хорошая, я награждена значком наркомата. Петь люблю, пою от скуки по мужу. Пою современные песенки».

13/VII.

День пасмурный. Утром получила от С. М. Петрова замечательный документ на память — «Экспромт вслух», о философии директора завода. Я его целиком вставлю в книгу.

«Ревда. Июль 1942 года.

М. С. Шагинян — только лично.

1. Инженер-производственник —
тоже поэт,
музыкант —
он тоже имеет душу.
2. Производство — оркестр;
инструменты — станки,
оркестранты — рабочие,
есть и солисты.
3. Симфония — использование мощностей, выполнение задания.
4. Лучший оркестр — Персимфанс
(могущий играть без дирижера);
можно и должно создать таким и завод, не
уходя от него, но давая ему заданный ритм.
5. Контакт — между оркестрантами и дирижером —
залог гармонии, а он (оркестр) меньше коллектива
(тысячного и многотысячного) предприятия, как же не быть
этому на заводе.
6. Пробудить душу, контакт создать, вызвать стремление к гармо-
нии — к ритму производства.
7. Директор — дирижер,
исполнители должны чувствовать душу, ритм, команду его от
движения руки.
- 7а. Секрет:
а) вера в людей,
любовь к ним,
любовь к делу,
вера в успех, в дело,
в его значимость и победу;

- б) каждый человек на что-нибудь да способен (об этом хорошо у Горького);
- в) каждому свой инструмент и свое место;
- г) требовательность жесткая — забота чуткая, отношение строгое и справедливое.

8. Нужны:

знания;
мужество;
ориентировка;
способность —

заставить,
повести за собой хоть в пропасть,
тем более на победу, героизм.

9. Не забывать:

совет с людьми;
о душе каждого;
о необходимости общей идеи у исполнителей...

10. Прямая, смелая, правдивая, активная, оптимистическая (без прикрас) линия — мужественная встреча с трудностями, недостатками, трезвое, активное и ироническое отношение к любой опасности.

11. Держать всегда в напряжении; ставить все новые и новые рубежи, давая иногда ощущения, чаще удовлетворение от реальных результатов (не допускать провалов).

12. Вот это все, что составляет философию директора как всякого руководителя — инженера с душой творца, энтузиаста, любящего свое дело и своих творцов-помощников.

Победил — помни об исполнителях;
проВалился — посмотри на себя.

С искренним приветом С. Петров».

15—26/VII, воскресенье, Шарташ.

За эти дни конспектировала ревдинскую поездку и остаток Челябинска, 15-го принятая на бюро в партию. У нас полное безденежье, а главное — кроме дневника, я ничего не успеваю писать.

Сводки тяжелые, немцы под Ростовом! Они нас перехитрили под Воронежем и на Южном фронте, идут на Сталинград, рвутся к Волге. Только сейчас остро начинаем чувствовать, какая тяжкая лапа войны, как много потеряли мы в этой войне ценностей — земли, людей. И если еще потерять — это страшно. Но тем страстнее надо нам, уральцам, работать, готовить и давать обороне все, что можно отсюда готовить и давать. Мы на юге очень много потеряли железнодорожного парка, ужасно, если им удастся перерезать Волгу и лишить нас нефти.

27/VII.

Нынче неожиданно пришла телеграмма от Омельченко: «Благодарю Шагинян прекрасные статьи желаю творческих успехов». Бородкин сияет (обе статьи напечатаны) и обещал завтра выдать деньги. Получила сегодня замечательное письмо от ленинградского предзакома завода Киселева-Гусева — огромный материал об организации движения тысячников и обмена опытом на одном из ленинградских заводов. Вечером поехали втроем — Караваева, Иваненко и я — на завод и там выступили... Я в основном придерживалась ревдинского выступления, но дала кое-что новое. Хочу развить это выступление в большую, полуторачасовую лекцию, проверив ее у специалистов, и с нею выступать. Потом сделаю еще лекцию «Что такое фашистский «новый порядок» в Европе»... Потом до двух с половиной часов ночи ждали автобус, страшно устали. Дома нет свету, нет печки...

29—31/VII.

За эти три дня — мотание взад и вперед, тяжкое настроение: Ростов сдали, немцы под Батайском. Страшно тяжело, еще особенно тяжело, что войну в наших местах никто не воспринимает, все размагничены, а это тяжко, хуже равнодушия нет ничего...

1—3/VIII.

В воскресенье приехала Линуша, больная. У меня тоже боли и температура. Написала плохой рассказ «Храбрость». Чувствую, что погибаю как писатель, делаю омерзительную муру, не хочу больше, тошно! Была на [фильме] «Ленинград в борьбе» — это очень хорошо, страшно, переживаешь, как свою жизнь, огромное уважение к городу и к людям его. В «Красном бойце» печатаются мои «Танкисты Урала». Получила задание от «Труда» написать статью «Командиры и организаторы производства». От Ваганова — из какой-то дивизии (адрес 866 полевая почта, редакция газеты «В атаку») просьба дать им статью, что я непременно сделаю. Устаю, больна, продуцирование впустую без отдыха, мотание взад и вперед....

5—7/VIII.

Тяжелые дни заболевания девочки и Лины. Невозможность работать. Телеграмма Форш. Ближайшие задачи: статья для «Правды» о Челябинском имени Кирова, статья для Ваганова в дивизионную газету, статья для «Труда» «Командиры производства», статья для «Красной звезды». Это все перед Алтаем. Возможно, придется отложить Алтай, так как времени на все не хватит. Убита, убита — утерей лета, бестворчественностью, слабостью сил и тем, что, ничего не сделав, не отдохнула и никто из семьи не отдохнул и не набрался сил на зиму. Страшная предстоит зима.

8/VIII.

Написала для Ваганова «Тыл с тобой, фронтовик» и уже отправила, въшло как будто хорошо. Начинаю читать по Челябинску и по технике для выступления. Буду сейчас готовить это выступление. В 7 часов вечера партсобрание, посвященное «бытовым вопросам».

(Окончание следует)

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

УРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК*

10/VIII 1942.

Выступление завод перенес на четверг. Уговорились с Тагильцевым ехать в колхоз «Заря» к очень интересному председателю колхоза Тернову. Вечером у меня инженер Дранников, написавший книжку «Обмен опытом тысячников», говорят, очень дельную, и сам он произвел на меня приятное впечатление. Полтора года работал в Америке, партиец. Его специальность — холодная обработка металла. Уговорились встретиться тотчас по моем приезде. В час ночи легла, одетая, поспать, а в 2.30 ночи, уже созвонившись с Тагильцевым, вышла из дома с рюкзаком за плечами. Ночь прохладная, и очень хорошо мы прошли до вокзала. Поезд отходит в 4 часа. Легли на верхние полки. С нами едет учительница, ребята которой (школа № 84, ученики 14—15 лет) все работают сейчас в колхозе «Заря», и она сама едет туда до конца уборочной. Рассказывает, что туда перебрался мединститут. Часть его — в соседнем колхозе.

Приехали на станцию Уфимка. Мягкий пейзаж и день, за которым чувствуешь осень. По телефону Тагильцев долго не мог дозвониться председателю колхоза Тернову, наконец тот отозвался и обещал выслать лошадь, но мы ее не дождались, а все пошли по прекрасной лесной дороге пешком. Воздух. Поля клевера, от которого дыхание захватывает — густой аромат. Навстречу — телега уральская, без рессор, но, как мы убедились позднее, удивительно не тряская, устойчивая и удобная; на ней иногда приделан плетеный коробок, сидеть в котором очень удобно: кучер не на кучерском сиденье, а в самом коробке.

Проехали в деревню, въезд в которую закрыт большими, на всю улицу, воротами. Эти ворота раскрывает ватага маленьких босоногих ребят с криком «дайте денежку!». Тагильцев бросил им 15 копеек. Это древнейший уральский обычай. За этой деревней — густое поле нескосенного клевера, оставленного на семена, потом — нескончаемые поля овощей. Сперва показался огромный барак типа оранжереи — пустой внутри: там сейчас живут медики из Свердловского медицинского техникума, ими сейчас очень недовольны — плохо и мало работают. Подъезжаем к правлению — это длинный дом, поделенный надвое; в правой его половине — школа. Ребята с восторгом встречают нашу попутчицу, учительницу. Председателя мы долго не видели...

Когда мы стали спрашивать в правлении, как сейчас обстоят дела в колхозе, нам ответили, по крестьянскому обыкновению, что не важно, градом 10 июня выбило огурцы и рожь...

Публикация и примечания ЕЛЕНЫ ШАГИНЯН.

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 4 с. г.

Видя, что председателя все нет и нет, позвонили в район секретарю райкома Коновалову. Он сам обещал приехать и покуда посоветовал посетить звеньевую — знатную старуху колхоза Марфу Александровну Попкову. Мы так и сделали. Она живет через двор от правления, по правую от него руку, в чистенькой хате, хорошо построенной (горница в уральских хатах ·большие, кое-где топятся печи, тепло, уютно, но всюду уплотнены до крайности: 3—4 семейства в хате)... Марфа Александровна Попкова — высокая приятная голубоглазая женщина 55 лет, с исплаканным лицом — один сын погиб еще в финскую кампанию, другой, младший, в армии, и от него нет вестей. Сноха с внуком отделилась, суд ей присудил корову, а Марфе Александровне — избу, и с тех пор живет она одна, колхоз дал ей корову, за которую опа выплачивает. Марфа Александровна пожаловалась на то, что молодые ее стали задевать — почему она первая да первая. В газетах ее хвалят, а это возбуждает зависть, и они нападают на нее, а сама она на вопрос, нет ли среди молодых кого-нибудь, кто мог бы работать, как ее смена, ответила раздражительно: «Пусть их попробуют, все равно ничего не выйдет, вы пойдите в поле, сравните их работу и мою». Нездоровая психология, никто ей не объясняет, что к молодняку нельзя так относиться. Записываю ее словами:

«300 трудодней у меня обязательно будет. В прошлом году было 400, а в этом году маленько послабже стала, мне 55, 56-й,— так 300 думаю, что да. Что мы на трудодень получаем? Хлеба получили полтора — два кило на трудодень, а нынче обстановка сама не позволяет много дать. 3—4 рубля деньгами. За своим хозяйством мы не гонимся, приусадебных нет. (Это, между прочим, неверно — приусадебные есть, и большие, а картофель в них стеной стоит.) Я депутат райсовета в Ачите. Мы только с 35 года отделились от Ачита. Это место темный лес был, мы сами вырубили и выкорчевали. Я робила 12 годов, меня ничего, не обзывают, а люди нападают — дескать, тебя в газету, а нас никуда не выдвигают... Районная газета обо мне материалы напечатала, а тем и невзлюбилось. Они надсмеиваются, мне за это бедно (обидно!). Война помешала достраивать колхоз».

Сейчас они поставили один сруб на школу, зимой там учатся дети. Больница у колхоза своя, хорошая. В 39 году получила она свидетельство с Сельскохозяйственной выставки за хорошую работу. Два раза побывала в Москве на ВСХВ¹, это приносит большую пользу. Ее звено первое объявило себя фронтовым.

Дальше опять продолжаю словами Марфы Александровны: «Свое звено я учю. Была я бригадиром. Были у меня люди, спали на парниках, а сейчас у меня нет людей. А эвакуированным неинтересно, ссылаются на плохое питание, отсутствие одежды. Во время уборки нет людей, перебрасывают с огородов на зерно, на покосы. Я учю как агроном, жница, умею владеть серпом. Лук мы сначала рыхлили, сейчас землю разгребли, пригнули перо к земле, чтоб рос он в голову. Картошку посадили, раз пять бороним. Рыхлили почву, культивируем междуурядье, чтоб корка не делалась, чтоб земля была не грубая, потом окучиваем два раза, руками заправляем, когда в последний раз. Овощи любят уход. За каждым листом любят уход. Капусту надо открыть, проветрить, рыхлить».

Мы пошли с нею смотреть огороды. Под ясным жарким солнцем в дивном аромате лугов (передать нельзя!) мы прошли с Марфой Александровной по полям. Все, что ближе к Уфимке (правое крыло огородничества), осмотрели. Массивы огурцов, поле помидоров — сейчас их много и они зеленые, сорта низкие, стелются по земле, но все будут ярко-кумачового цвета. Парниковые красны, как кровь, и очень вкусны. Плотом массивы картофеля. Трех сортов: эпикур (ранний с темным листом), лорх и народный — поздние сорта. Лорх — са-

¹ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Ныне ВДНХ.

мый плодовитый. Обойдя прекраснейшие огороды, Марфа Александровна угостила нас огурцами и крохотными порозовевшими помидорышами. Мы вышли на лесную опушку и увидели, как гонят смолье, то есть из угольного газа (древесного угля) вырабатывают смолу и скипидар. На этом месте в 28 году был, как уже сказано, лес. Его корчевали все — дети и старики. Пней осталось множество. Их жгут, а пни и сейчас есть. Из этих пней, изрубленных на куски, бледный старик — раскольничего типа, в бороде, молчаливый, Дмитрий Тарасович Калистратов — и гонит смолье.

Вернувшись с прогулки по огородам, мы пообедали у Марфы Александровны помидорами с луком и в сметане, сбитой на масло (очень вкусно), и горячим молоком с домашним хлебом. А после обеда пришел к нам в избу и долгожданный Александр Порфириевич Тернов. Это невысокий парень с узенькими, часто как бы слепнущими и закрывающимися глазами (слипающимися как бы от усталости)... гладко остриженный, с черным черепом, сутулый, невзрачный, когда наденет очки, кажется действительно слепым. Но, как впоследствии оказалось, человек это очень быстрый, нервный, совершенно деловой. Говорит трудно-быстро.

«Первая наша задача — обеспечить хозяйство всем, чем необходимо. А вторая — жилплощадь и бытовая культура. У нас работает сейчас в полях один людиновский локомобиль в 38 лошадиных сил — и то полная революция в нашем хозяйстве: почти ничего мы не имели, а сейчас построили лесопилку, локомобиль поставили, лесорамы... Все дело в том, что мы чрезмерно расширили посевную площадь. Надо, чтоб из города дали людей. Нам надо много помочь. Люди — молодежь, девушки 16—20 лет,— не работали вначале, сразу ожидать от них помочь нельзя. Они приучаются к работе постепенно. Большинство работает добросовестно, но их надо учить. Есть тенденция, чтоб их особенно вкусно кормили, но это неверно. У нас всего было достаточно, была посуда, но сейчас — на большое количество людей — не хватает, и со столовой мы попали в неловкое положение. Через неделю открываем большую столовую и хлебопекарню, котлы есть, и есть чем лудить, и есть кому лудить. Тащим нужных людей в колхоз и приспособливаем. У нас 128 дворов, но у некоторых еще дворов нет. Мы начали еще до 1941 года развертывать производительные силы колхоза, расширять, укреплять хозяйство... За март — апрель отстроим 18 квартир, выделим на это специальные средства. В нынешнем году продвинулись. Война застала нас на развертывании, и бытовую часть программы мы не выполнили...»

И в нынешнем году хозяйство наше окрепло. Если в прошлом году мы засеяли 63 га с напряжением, то сейчас, отправив в армию лучших людей, мы посадили 130 га картофеля, вдвое больше, зерновых 700—800, овощное хозяйство расширили на 187 га. Создали механизацию хозяйства, электростанцию усилили, у нас 5 моторов, лесопилка — и отходы с нее идут на мотор. Оборудуем водопровод на животноводческую ферму...»

Тернов говорил очень интересно. Потом мы пошли на конюшню, сели там в коробок и на горячей лошадке поехали осматривать все хозяйство. Конный двор — на нем огромные баки для квашения капусты, деревянные, на 75 центнеров. Делает их ленинградец (из Луги), приятный и культурный парень, раненный на фронте и попавший сюда. Едем полями лука, моркови, сахарной свеклы, столовой свеклы, капусты — необозримо. Капуста Марфы Александровны Попковой (ее звена) очень крупная, хорошая, выгодно отличается от соседнего звена. Дальше — лесопилка, локомобиль, свинарник, коровник... Все, что мы видели, весь колхоз — еще в стройке, все это молодо, элементарно, но во всем видна мысль. Сухонский, дельный человек Тернов (с хитрецой, то есть маской простака для внешнего мира) — творец, деятель, организатор. Он из тех, кто не шутит ни жизнью,

ни отношением к людям. Дальше идут бесконечные поля прекрасного картофеля. Его так много, что вынесло за гряды, и лошадь едет по картофелю, давит его. Сажали картофель не глазками, а целой картошкой, и Александр Порфириевич говорит, что так лучше — картофель выходит крахмалистей и с ним меньше возни...

В дороге Тернов рассказал о себе. Он родился в Ачите, родители были крестьяне. В роду были крепкие хозяева, но отец был простой, широкий человек, с фантазией. Сам он крестьянствовал тоже до войны 1914 года, но во время войны пошел на фронт. Побывал в Финляндии, видел Европу. Ему очень понравилось европейское рациональное ведение хозяйства. По-видимому (это я от себя), он захотел создать у нас европейскую культуру, но своими руками, без хозяев, и это было первом его понимания коммунизма. Стал председателем нового колхоза. Было в нем всегда несколько десятков домов. Решил ограничиться этими домами и пошел развивать хозяйство.

В полной темноте мы приехали к нему домой. Изба Тернова заполнена беженцами... Мать с дочкой. Военный без ноги. Изба — две внутренние горницы — чистые, убранные, светлые, но без мебели... Передняя (кухня) и сенцы грязны, неуютны: две девочки Терновых — Тамара (старшая) и Валя (младшая) — кинулись навстречу, протягивая на ладошках черные, терпкие ягодки черемухи, «уральский виноград». От ужина я отказалась, и жена Тернова Клавдия Гавриловна постелила мне на полу в горнице (сами они спят на воздухе), а чтоб клопы не кусали, обложили вокруг всей постели ветками полыни, связанными вместе; и я действительно заснула как убитая.

12/VIII, колхоз «Заря» Ачитского района.

Утром началась отправка домочадцев на работу и снабжение их провизией: в пузыречки сливали через воронку мед. Женщина пекла крендели из кислого теста. Вкусные щи из свежей капусты, крепко подбитые мукой (нечто вроде тюри), огурцы, баранки, по стакану молока, а после него чай. Разговор с Александром Порфириевичем Терновым, очень здоровая критика, которую можно выслушать с пользой. Тернов:

«За каждый свой шаг в строительстве колхоза я должен расплачиваться натурой. Водопровод для коровьей фермы имеет огромное значение в условиях войны. Для него у нас не было труб, инструмента, специалистов... Из-за 500 метров труб пошли клянчить по Свердловску... Агрономы живут в тысячу раз хуже, чем инженеры, а ведь они — те же инженеры [инженеры] полей, они очень нужны стране. Для разведения картошки у колхозов не было заинтересованности, поощрительных цен. Был опубликован правительственный указ по поводу хлопка, свеклы. Но ни картошки, ни капусты он не коснулся. Мы сдаем их государству по невозможно низким ценам, не окупаяющим их транспортировку,— капусту по 10 копеек кило, картошку по 12. Считаю, что необходимо поднять госцены до рубля за кило. Урал жил без овощей до войны, на всем привозном. Сейчас необходимо подвести прочную базу под уральское огородничество, поддержать вспыхнувший у населения к нему интерес. Очень неправильно происходит отоваривание деревни. В районе открыли 2 раймага и 1 сельмаг... Колхозники шли за 30—50 километров и становились в очередь — авось что-нибудь достанется... Прошлую осень в Красноуфимске во время уборки в конце августа на несколько миллионов [рублей] продавали мануфактуру. И она продавалась только там. Люди бросали убирать хлеб, шли туда, жили там неделями. В эту уборочную нет ничего, обуви нет... не дают вырабатывать свою кожу, а то мы бы сами справились. Соли еще не завезли, и стоит под угрозой срыва засолка и закваска капусты и огурцов. Гвоздей не хватает. Мне приходится быть завхозом, а не председателем, так много времени уходит на раздобывание нужных вещей. Беда в том, что

Сельхозснаб ничего не получает, гвоздями ему запрещено снабжать колхозников, и приходится всюду ездить самому, а дома — колхозное хозяйство без руля и во второстепенных руках, и мы от этого страдаем. Чтобы достать 500 метров труб, я несколько лет ездил за ними в Свердловск. И в таких условиях мы проводим механизацию хозяйства — [строим] сушилку, сортировку, электростанцию, водопровод и т. д. Чтобы из этого положения выйти, надо, чтобы Сельхозснаб обладал большими резервами. Мне надо два центнера гвоздей на стройку, а мне дают 20 кило, и мы, где придется, там и покупаем».

В это время зашел Тагильцев, сказал, что нас ждут в кузне, где Тернов собрал работников медтехникума, и надо с ними провести беседу...

Под навесом кузни собралось человек 50—60 народу. Девушки с неподвижными лицами, одеты тепло (день холодноватый), среди них — недовольные и пасмурные... Эта молодежь из медтехникума мнит себя большими специалистами, часто вымышляет болезни, чтобы отлынивать от работы. Перед ними выступила удачно, рассказала о том, как в наше время горбом давалось образование, как д-р Прозоровский, вышедший из народа, 8 раз поступал учиться на врача и 8 раз за невзнос платы исключали его, как они обязаны советскому строю, и сейчас, когда родина просит от них помощи, стыдно не помочь ей. Сказала, что их поведение сейчас — это характеристика на всю жизнь; мозоли на руках заживут, а пятно на совести никогда не стирается; война пройдет, и веселье, и отдых, и природа, и танцы будут, а вот если спросят тогда: «Чем вы помогли родине в трудные дни?» — как у них повернется язык ответить, что лодыричили, и т. д. и т. д. В общем, как будто тронула их, многие лица потеплели, и Тернов, подойдя, очень серьезно сказал мне спасибо, а это человек, зря слова не говорящий. Видимо, он верит, что в работе будет перелом.

Оттуда опять назад в управление...

В управлении уже находился приехавший из района секретарь райкома Анатолий Павлович Коновалов, хороший русский парень в черной сатиновой рубашке и сапогах, ладно скроенный, умный и культурный. С ним мы собирались ехать в район. Он был не один, а с директором Ачитской МТС Даниилом Григорьевичем Мерзляковым, своеобразным человеком, [он] тоже высокий, худой, чернявый, усатый... Мы с Коноваловым, прежде чем сесть в «фордик», поговорили. Район Ачитский — сельскохозяйственный. 72 колхоза на весь район и только один завод, стеклодувный, возле станции Уфимка: «Огородничеством в этом году занялись все, одни хорошо, другие плохо. А сейчас решаем вопрос закваски капусты, чтобы она не погибла. Это важный вопрос. В этом году строим 87 чанов (виденные мною бочки) по 150 центнеров в каждом для квашения капусты. Соль для этого частично уже есть, а частично дадут — несколько тонн. С марта решали эту проблему, не все понимают, приходится вдалбливать». Коновалов не нахвалился на красоту своего района — хотя он сам человек заводской, но, видно, сельское хозяйство его уже забрало: «Какие у нас места! Погодите, еще увидите! У нас есть старый Московский тракт, он так до Москвы и тянется. Весь он усажен в ряд по обе стороны дуплистыми вековыми березами, плакучими. Вот поедем, увидите».

И мы садимся и едем. Уже вечернеет, необъятные полевые просторы вокруг, стоят и ровно, в одну сторону, кланяются чистые, золотые овсы («овсы хороши нынче», как говорилось у русских классических писателей Л. Толстого, Тургенева). Первая деревня, куда мы приезжаем, — татарская. Название Гайны, а колхоз называется «Арасланово» (то есть — богатырское). Здесь мы видим в поле неподвижный комбайн. За этот день погода буквально раз 20—25 менялась каждые 10—15 минут. То дождь, темно, холодный ветер, то солнце, жарко, тишина; то опять налетели тучи, затянуло, холод, дождь пошел, и так без конца. Комбайн отказался брать мокрые колосья, и еще какая-то

поломка в нем. Мерзляков тотчас же со вкусом полез в машину и выпачкался в машинном масле. Я любовалась девушкиами на комбайне, особенно хороша одна, в комбинезоне, грациозная, хорошо сложена, лицо каменно-неподвижное, кажется надутым, как у всех уральских красавиц, но в улыбке делается добрым и детским. Зовут ее Шура, она помощник бригадира на комбайне, в прошлом году перешла с трактора. Тем временем подошел молодой красивый татарин в фетровой шляпе и пиджаке, председатель колхоза, и между ним и Мерзляковым возгорелся спор. Председатель колхоза, видно, не желает возиться с комбайном (это трудная машина, капризная) и уверял, что они руками лучше и скорей уберут. Вообще тут страстная тяга к ручному труду, к косе, серпу. Починили комбайн, проглянуло солнышко, стало опять тепло, и пошел комбайн по полю.

Миновали Гайны — множество гусей, хорошие, крепкие, вновь отстроенные мосты, зажиточность. Позднее на станции мы видели татарскую девушку, разодетую в узкую крестьянскую юбку (похоже на украинскую плахту) и в вышитый фартук (огромными не то башнями, не то якорями).

Из этого колхоза поехали по лесам и полям дальше, и в дороге Коновалов рассказал мне о главных колхозах своей области. Очень богатый колхоз имени Кирова и колхоз «Красный ключ» — в центре самого Ачита (в центре Ачита, большого села, [всего] 4 колхоза). Кировский колхоз имеет животноводство и полеводство, а овощами не любит заниматься. В народе он не нуждается, колхоз богатый, хорошо платит, и к нему идут люди работать из райцентра, идут охотно. Он из поселка привлек и рабочих и служащих... Занимаются люди в учреждениях с семи до трех, а с четырех идут в поле и до темноты. Есть учреждения, мобилизовавшие всех своих работников.

«Красный ключ» работает неплохо, у него много овощей, хлеба и урожай удивительно высокий. Колхоз во время войны улучшил работу, борется за урожай. Колхоз «Урал» очень хорошо работает, перенял колхоз имени Ворошилова (оба они дальние), у которого нелады с зерновыми.

Мы проезжаем районный центр и едем в колхоз имени Ворошилова, это за 25 километров от районного центра. Колхоз в этом году сделал новое для себя: посадил много картофеля и капусты. Урожай картофеля очень высок, выше прошлого года. Есть в районе несколько артелей кустарей — делают гнутую мебель из дерева или ма, мочало из лыка, старик один нашелся — [делает] деревянные ложки. Топоры, корыта, чашки делают. Рассказывал Коновалов и о себе — он из Березников, заводской, 9 лет проработал в Свердловске, полтора года в Ачите, перед войной сюда направлен. Подъехали мы к колхозу — управление на пригорке, в высоком круглом здании белого цвета, где раньше был не то монастырь, не то собор... Дети из свердловской школы № 6, работавшие в этом колхозе, позвали нас с Коноваловым к себе. Мы к ним поднялись по неимоверно крутой лестнице. Девочки 15—16 лет. Все на нарах, почти босые, в летних вещах, продрогли (дни уже холодные). У троих острый суставный ревматизм, одну сегодня отправляют домой; у другой крупный вздутий фурункул на ноге — фельдшер за незнанием... заливает его йодом. Дети раздражены, жалуются на голод, просятся домой, не хотят ничего слушать... Мы вышли оттуда удрученные. Коновалов резонно решил, что больше месяца держать детей нельзя. Оттуда пошли смотреть чаны и огороды, но было уже темно, сырь, я промочила ноги.

13/VIII.

Удивительно хорошие люди есть среди старых крестьян, особенно старух. Хороша была Марфа Александровна Попкова, а здесь познакомилась с Анной Михайловной Турышевой, старой больной женщиной, заведующей столовой,— душевный, чистый и твердый человек.

Я было собралась ехать, но Коновалов не пустил. Он попросил сделать доклад для местного актива на тему «Роль интеллигенции в Отечественной войне», и я этот доклад нынче весь день готовила, а вечером сделала, и это было одно из лучших моих выступлений в жизни: перед колхозным и сельским активом, 30—40 человек, из них 5—6 местной интеллигенции (врачи, агрономы)... Очень тепло проводили меня. Ночью пришла удовлетворенная.

15—23/VIII.

За это время сделала доклад на общем собрании писателей — «Опыт пропаганды на селе» (хорошо). Конкретно передала тем, кого сейчас посыпают на уборочную, как я строила каждое выступление, о людях деревни и подходе к ним. Все больше мне кажется, что обездарила как писатель и все способности перешли на живое слово, на пропаганду... Взяла в Индустриальном институте и прочитала ряд интересных детективов (большой отдых). Написала и направила в «Правду» очерк «Полная чаша». Прочитала статью Рождественской об интересном математике-уральце... Прочитала два техобозрения Пермяка для заводов. Сегодня... холодно, осенняя погода. Взяла две командировки в Челябинск, Магнитку, Новосибирск, Барнаул, Бийск и т. д. — от «Правды» и от Урина. Побываю там и на этом поставлю точку мотанью. Писать надо, будет с меня! Планы (если б исполнились!): окончательный материал из Челябинска для повести «Соревнование»², потом Н. Тагил для той же повести, характер и образ Зальцмана, для этого посидеть в Н. Тагиле и там же постараться написать повесть. Основной стержень — организация производства и процесс соревнования. Сдав эту рукопись, спокойно ехать на Алтай до 15 сентября.

24/VIII.

В 3 часа ночи нас разбудили — мы подъехали к Челябинску. Меня тотчас встретил зам. завхоза у самых дверей вагона и, так как в «Южном Урале» не было свободных мест, повез в интернат, где пришлось разбудить молодую женщину, Павлову (работницу директорской столовой). До 10 часов утра проспала с тяжелым кошмаром, будто у меня украли этот мой дневник и все, что я с таким трудом собрала по Уралу, разлетелось в прах. Во сне я плакала, обдумывала, как пособить делу, уцелели ли черновики и т. д.. В 10 часов поехала на завод и там — один из пустейших дней жизни. Полная противоположность и июньскому дню на заводе. Никто ни о чем не хочет и не может рассказывать. На всех лицах — неприветливость, замкнутость и растерянность. Проморили долго внизу в ожидании разных звонков, наконец с большим трудом начала добывать материал. Оказалось — попала в самую напряженную и критическую минуту, когда завод болеет. Я поступила в распоряжение Нечаевой, отдел пропаганды и агитации. Для начала — разговор с инструктором по агитации и пропаганде, который, по существу, ничего нового сказать мне о заводе не мог.

Нечаева вызвала редактора газеты «Наш трактор», которая сейчас переименована в «За трудовую доблесть», Красношевского, он же стал секретарем парткома.

Рассказ Красношевского:

«В конце июня Сталин вызвал Зальцмана и сказал: надо, чтобы в августе завод имени Кирова стал выпускать танки «Т-34». Зальцман ответил: «За полтора месяца переделать весь процесс на заводе немыслимо, не было случая в мире». Сталин: «Технически это немыслимо, но родина этого требует. Фронту нужно. И кировцы это сде-

² Повесть «Соревнование» не была написана.

лают»... Создали за полтора месяца новый конвейер, равного которому по величине нет в мире, и 22 августа с него сошел первый танк «Т-34»...

Так вот, нам задали: дать за август 100 «Т-34» и вдвое больше прежнего «КВ». Вчера вечером... Зальцман собрал начальников цехов, отделений и секретарей крупнейших парторганизаций и сказал: «Ознакошившись с состоянием дела, вижу: проделана большая и объемная работа. Но... что мы реально сдадим фронту в оставшиеся дни августа и сентября? С этой точки зрения состояние тревожное... Фронт резко изменил свое отношение к «КВ-1С». Задача в том, чтобы в сентябре увеличить выпуск танков «КВ» в два раза. Кировский завод перед фронтом в долгую. У некоторых руководителей, сидящих тут, в тылу, атрофировалось [чувство] остроты положения. У нас люди ждали аммиака, а на Сталинградском заводе аммиака нет, и люди придумали выпускать каленые гильзы без аммиака. Выпускали на моторы вместо алюминиевого картера чугунный. Какой объем сделал Кировский завод, правительство этим сейчас не интересуется. Оно интересуется, сколько мы танков дадим. Нас интересуют не этапы рождения нового танка. Смакуют конвейер, а деталей — нет (и добавлю от себя: конвейер стоит!). «КВ» машина новая, замечательная машина. Командование Сталинградского фронта потребовало «КВ-1С». Дальше: работа по моторам за 20 дней августа ни к черту не годится. Прошло больше 20 дней, а мотористы не выполнили и половины своей программы... Я выработал график, предлагаем всему командному составу уложиться в него и немедленно выполнить. Никаких отступлений, отступление смерти подобно».

Дальше Зальцман сказал следующее: «Я сделал доклад Сталину и показал ему, как работал завод в I, II и III декады. Сталин наложил на мою записку следующую резолюцию: «Продолжается старая безобразная свистопляска. В начале месяца — минимум танков, а в конце месяца — максимум. Надо эту свистопляску прекратить». Дать в августе 100 танков все равно что в октябре 1000. Если сумеем, а мы должны суметь, то песни будут складываться о трудовом героизме кировцев»...

Я спросила Красношевского, в чем узкие места завода, он ответил: 1-й механический не справляется (не успевает) с новой коробкой скоростей. Отстает коленчатый вал... Лучше всего работает механический Ц-2. С холодной штамповкой неважно... Сегодня собрали мастеров, рассказали, что фронту нужны необычайные темпы работы, все рабочие пошли по цехам.

Пока я выясняла, можно ли видеть Махонина (нельзя — у него совещание), мы, взяв охранника, тщетно прошлись по цехам, так как никто без разрешения дирекции ничего не объясняет и не рассказывает.

Вернулась на завод с твердым намерением во что бы то ни стало добиться Махонина. И, пробравшись наверх, в конце концов добилась. Сперва — главного инженера... Полный, безволосое лицо, веселый пикник, без малейшего напряжения. Верит и самоуверен. Он говорил много, но ничего конкретно. Единственное серьезное, что сказал: не надо сейчас никакой статьи. Пока разговаривала с главным инженером, его вызвал по телефону Махонин, и я, воспользовавшись этим, пошла за ним и на храплом — в директорскую. Там сидел и Зальцман. Лицо Махонина похудело, осунулось. А Зальцман сразу и совершенно очаровал меня. Это человечек Стивенсона, легендарное существо. Маленького роста, изящный, с маленьким собранным черноглазым лицом, умным лбом, в морщинах, в военном френче и знаках отличия (Герой Социалистического Труда), он сидел глубоко и очень уютно (по-кошачьи) в кресле, говорит негромко, без всякого напора, наоборот — как-то уступчиво. У этого человека все держится на нервах, он страшно женствен, мне кажется, что выпавшую на его долю тяжелую историческую задачу он решает огромным напряжением нервной системы, а

вовсе не «органически», не «свойственно себе». Хотя, возможно, это еще внешнее впечатление, и Зальцман — бархатный орешок с металлом внутри.

Поговорили мы втроем и решили: сейчас писать нельзя. Надо обождать. Я условилась приехать через 5 дней (а Красношевскому обещала выступить 28-го), и тогда уже дело свинется, машины пойдут, и они мне все покажут. С большим огорчением на разбитый свой график вышла от них, простила.

25/VIII, Челябинск.

Утром — в «Южный Урал», но обещанный номер оказался пузом, так как О., уезжающий сегодня, изволил оставить его за собой до 31-го. Разговор с его несимпатичным администратором («Как? Ведь там остаются костюмы О.» и т. п.). Сказал, что они едут в Златоуст... Но как бы то ни было, и тут график мой оказался нарушен. Остановиться негде. Чтоб не терять времени, я занялась газетами Златоуста и Магнитки, так как решила в свободные дни... съездить или в Златоуст, или на Магнитку.

26/VIII, Магнитогорск.

Утром — перемена ландшафта, степь, предгорье, холодно. Небо хорошо, как всюду на Урале... Просмотр документов. По пути много МТС. Перед самым Магнитогорском показывается небольшая пестрая (черно-рыже-красная) гора, это и есть Магнитка, и у ее ног видение великолепного, нового, индустриального центра. По газетам я уже разобралась, что этот город 1) добывает, 2) обрабатывает и 3) строится. Поэтому, приехав, я и решила построить просмотр поточко — от добычи к домнам и мартенам... Есть в городе авиа- и танкоучилища... и т. д.

Приехали в 11 часов в Магнитогорск, до второго часа — в разговорах, малопродуктивных. Знакомство со всеми секретарями, с редактором Сафоновым, говорили с пятого на десятое, оживленней о газете. Я похвалила, мне понравилась газетная техника в ней, а область, оказывается, приказом второго секретаря Баранова запрещает ей издавать листки: «Вам бумаги не дают, и не смейте, не полагается». Эти листки — как бы выездная редакция газеты в отдельные цехи комбината (комбинат огромен), заменяли листовки «молнии» и т. д. Запрещение совершенно дикое и несправедливое... Второй секретарь кратко рассказал о кадрах. 10 тысяч человек рабочих, приехавших на Магнитку, пришлось размещать в течение полутора месяцев, а сейчас в течение сентября придется разместить и еще 14 тысяч человек. Приезжают на стройки по 10 тысяч, 1600 — на завод. Строятся жилища облегченного типа. Жильем не обеспечены, для новых рабочих не хватает простынь, одеял, обуви. Достаем из фондов Наркомчермета, да маловато. Но хлеб тут и вода очень вкусны. Вода чистая, из реки Урал, проходит через фильтры. Есть два пруда. Растительность в городе молодая, улицы обсажены деревьями. Планировка: селились где попало, не приняв во внимание ветер, и весь дым от домен и труб ложится на город...

Подсел плотный, пожилой, с философской прорезью на лбу, краснолицый, с маленьkim носом на щекастом лице дивизионный инженер Е. Андреев, директор авиационного училища. Я заметила на его лице и на лицах других какое-то чрезмерное утомление не физического, а больше нравственного типа и спросила его о причине. Он мне написал на прилагаемой бумажке шутливый ответ:

«Как говорили древние римляне: *Nunc est fumandum*. (Правда, они говорили *bibendum*³, но не все ли равно.)

Дивинженер Е. Андреев».

³ Начало «Оды» Горация: «Теперь время пить...» — вольно перефразируется в записке: «Пора покурить».

С секретарем по промышленности Валентином Ивановичем Шкубатуровом, высоким, худеньким, изжелта-бледным, сели в машину горсовета и два дня катали в ней по всему Магнитогорску. Первый наш визит мы нанесли горе Атак, как по-местному зовется Магнитка. Город Магнитогорск построен так, что на основной центр падает огромное количество угольной и железной пыли и дыма. Но когда выезжаешь из этой полосы на чистый воздух, очарование Магнитки забыть нельзя. Гора вся пятнистая, главные краски — кирпично-красные и сизо-черные, глина и металл, между ними множество оттенков. Гора не высокая, но широкая и вся в карьерах. Мы предварительно зашли к главному инженеру Горного управления Абраму Натаевичу Шильману — тоже... из Кривого Рога. Черненый, худой, довольно вялый на первый взгляд. Он провел нас в геологический музей-лабораторию комбината. Музей — детище геолога Елизаветы Ивановны Каминской-Дульской. Она все собирала сама, не имея ни копейки... Когда приехал Гевоян и увидел музей, он пришел от него в восторг, выдал средства, и сейчас камни лягут в витринах на бархат. Музей потрясает. Одна гора Атак, экспонатов — множество...

Уже стемнело, и... мы решили отложить осмотр домен на завтрашнее утро, на 9 часов, а сейчас вернуться домой. Я обещала заехать в газету «Магнитогорский рабочий», встретиться с газетными работниками и с Людмилой Татьяничевой, но опоздала. Они уже пошли на концерт Ойстраха. Татьяничева дождалась меня, она все такая же — большая, красивая. Муж ее, Смелянский, ответработник редакции. Между соцгородком, где редакция и театр, и горкомовской столовой, лабораторией и комбинатом — расстояние в 4 километра, ходят трамвай. Сейчас начали застраивать тот берег Урала (реку я так и не видела, разъезжая по городу), где решено планировать новый жилой город.

Поговорив с Татьяничевой (мало внимания к Магнитогорску со стороны области, снабжение интеллигенции плохое, только сейчас немного лучше стало), еду прямо домой, отказавшись от концерта, чтоб завтра со свежей головой начать работу.

27/VIII.

Утром мы до завтрака поднялись на домны.

Это ряд спаянных между собой, в крепкой металлической броне пирамид, огромных, но кажущихся меньше старой маленькой нижнетагильской домны, которая стоит голая, без прикрытия, зимой вся обледенелая, наверху без покрышки. Мы вступили в царство черной, блестящей, острочешуйчатой пыли графита, оседающей блестками на блокнот, пальто, забирающейся под очки, в глаза. От доменной пыли тут трудно дышать, все время першил в горле. Мы видели полку с образцами шлака. Эта витрина нужна, чтоб следить за изменением качества руды и содержания в ней железа. Образцы шлака очень красивы и разнообразны, я набрала для коллекции, а потом сдуру забыла на окне в номере и простить себе до сих пор не могу, как это могло случиться! Идем в цех. Поднимаемся на домны. Проходим ряд кулеров, закупоренных чаш для подогрева воздуха. Здесь шум и вой — воет мотор.

На домне № 1 попали в удачную минуту, идет разливка чугуна (калоша — полторы тонны кокса, полторы тонны извести и 2,5 тонны руды на одну тонну железа); снаружи домны скиповый подъемник все время в бадьях поднимает наверх порции кокса, все ниже по пути освобождаясь от кислорода и претерпевая различные химические превращения. Выпуск чугуна каждые 2—2,5 часа, в сутки домна дает 5—6 выпусков.

Так вот, мы попали на домну № 1 в момент выпуска чугуна. Увидели яркое пламя в разлетающемся крупными брызгами металле. В одну сторону, ниже, стекает тяжелый чугун, в другой стороне, выше, вытекает более легкий шлак, вытекает снаружи домны, во двор, в спе-

циальные огромные шлаковые чаши. Основной шлак — белый, как известь, часть его идет на переработку для строек (на грануляцию, в водяные бассейны), а часть на свалку. От огня нельзя оторвать глаз, чугун шел хорошо, чистое, яркое желтое пламя, и доменщики стояли и глядели, несмотря на углеродную пыль в воздухе и пышущую жару. Мы потом ходили по пеплу, под которым дышал раскаленный металл, перескакивали струйки огненного чугуна, и нас опаляло снизу жаром — к этому здесь все привыкли. С 1-й домны, миновав 2-ю (обе работают хорошо), мы перешли прямо на отстающую 3-ю. Познакомились с мастером домны № 3 Алексеем Леонтьевичем Шатилиным. Он мастер третьей бригады. Приехал из Константиновки на Магнитку в 31 году по призыву ЦК комсомола. С 33 года мастер, знает Магнитку как свои пять пальцев... Подошел обер-мастер Дмитрий Тимофеевич Орлов из Енакиева. Про него говорят, что он душа горновых, учит их, воспитывает. Смотрели 3-ю печь в разливке... чугун пошел тоже хороший, яркий. Когда чугун выпускают, начинается шум, как облако дыма, брызги, потом пламя, очень красивое зрелище. В бригаде Шатилина работает горновым женщина Евдокия Петровна Щербакова, 1903 года рождения. На вид щуплая, остроносенькая, с задумчивыми глазами, приятным тихим голосом, интеллигентной речью, русая, невеселая — как бы слезы нависли в тоне. На Магнитке с 31 года. Прибыла из Уфимской области, сперва работала в столовой, муж — в доменном цехе. Она тоже перешла в этот цех дозировщицей, потом машинисткой скрапового подъемника и с 42 года горновым: «3 месяца работаю горновым, когда нормально работаем, то все хорошо». Она одна женщина в бригаде из 5 человек. Жизнь сложилась тяжелая. Муж с ней разошелся. У нее на руках остался сын. Зарабатывает хорошо. За 2 месяца по 500 рублей премии получила. Работа горнового тяжелая: нужно таскать кокс для заправки, готовить лопатами канавы, когда идет выпуск, все время следить за огнем. Учиться хочет, а нет времени. Книги берет из библиотеки. Нравится «Мать» Горького. Она любительница кино и театра... Начальник цеха вмешивается: «Знаете, как она стала горновым? Замечательное заявление подала: «Фронту нужны мужчины, поэтому прошу предоставить мне заменить в доменном цеху мужской труд». Сразу ее поставили, и она справилась».

Подходит к нам ладный мальчуган низенького роста, курносый, очень миловидный и стройный. Кудрявая голова. Это «малыш» — Александр Александрович Бронников, четвертый горновой из бригады Дроздова. Ему 16 лет. Он родился в деревне под Магнитогорском. Отца нет, мать не работает, а сестра на заводе. Спросила его, любит ли он профессию горнового, он ответил, показав жемчужные зубы: «А как же!» Награжден знаком отличника. Зарабатывает здорово. За прошлый месяц получил премию полторы тысячи [рублей] да 2200 зарплатка в месяц. Я его спросила, куда он девает деньги. Малыш ответил: «Базар большой». Мать не отнимает — он сам все отдает матери. <...>

Провожали меня магнитогорцы трогательно. Татьяничева сунула огромный кусок шоколада и потом сверток с колбасами и помидорами «по приказу Фокина». Спокойная ночь, хотя здорово зябла под своим резиновым плащом. Погода сразу повернула на осень.

28/VIII, Челябинск.

Приехала утром, сама добралась трамваем до гостиницы, получила номер 28 в обкоме у Шварева и договорилась в секретariate Патоличева⁴ о том, чтобы он меня принял. Потом созвонилась с заводской газетой — обещала им на сегодня выступление. Весь день готовилась к докладу. Вечером на завод. Выступила в так называемом актовом зале на заводской территории в присутствии самое большое

⁴ Патоличев Николай Семенович (род. в 1908 г.) — советский партийный и государственный деятель. В 1941—1946 годах первый секретарь Челябинского обкома и горкома партии.

двуих десятков случайных и страшно утомленных людей, причем и сама была жутко утомлена. Все время, говоря, сознавала, что момент неподходящий, и потому было отвратительно, сухо, механично, неинтересно. До такой степени, что по окончании даже вопросов ни у кого не нашлось, и мы сами с трудом вытянули их несколько. Шли оттуда все мрачные — не следовало сейчас выступать, да еще с такой темой, как «Роль литературы в Отечественной войне». А в редакции мне показали замечательную пьесу Корнейчука «Фронт», написанную остро и по-настоящему. Там поставлен в лоб вопрос о смене негодного командующего фронтом, который хорошо работал в гражданскую войну, но с новыми методами войны незнаком. Критика отвечает общественному настроению, и это настоящая, большая литература, целое событие в нашей жизни. Если б так можно было поставить вопрос и о тыле, о смешной и вредной борьбе между областями на почве неправильно понимаемого местного «патриотизма» и неправильно понимаемого соцсоревнования.

В 11 часов вечера вызвали по телефону к Патоличеву. Когда я пришла, там уже были и Никулин и Вавилов. Никулина «Правда» провела собственным корреспондентом по Челябинской области, а Вавилов приехал из «Правды» на время. Никулин как-то помягчел; изменился к старости, и мы с ним встретились без вражды.

Патоличев — молодой приятный человек, мягкий внешне, но настойчивый, с хорошей, приятной линией поведения, с хорошей демократичностью. Говорили совершенно откровенно, рассказала ему о своем впечатлении от Кировского завода, пожаловалась на невнимание обкома к Магнитке, на жадничание с бумагой и особенно на недопустимые взаимоотношения между магнитогорским горкомом и Челябинском, как будто для обкома область — это исключительно город Челябинск, а там, в Магнитогорске, — «богатый хозяин, Наркомчермет». Патоличев кое в чем энергично возражал, кое с чем соглашался, на прощание предложил мне остаться в области, рассказывал, что Панферов живет у него, под Златоустом... Немного удивило меня это желание Панферова сидеть под Златоустом, но не на заводе и вдали от оборононой темы. Попросил меня посмотреть в Челябинске стройку металлургического комбината.

30/VIII.

День, очень насыщенный впечатлениями и напряженный. С утра и до вечера на заводе, вечером — актив с выступлением Зальцмана. Рано подали машину, в спутники мне дали плановика Александра Дмитриевича Пенькова.

Закончили обход завода и вернулись в управление, чтобы успеть на актив. Сегодня будет жаркое собрание, я тоже получила приглашение и пойду с А. Д. Пеньковым. Нарядная трибуна, масса народу. Мне конспектирует Пеньков. Я все списываю сюда с его конспекта, не меняя ни речи, ни особенностей его записи.

Слово имеет... товарищ Зальцман:

«Товарищи, должен сказать, что сегодняшний актив должен был бы иметь отличие от всех прежних активов, но, к сожалению, ход выступлений не говорит об этом. Это меня беспокоит. Актив сегодня не рядовой. Мы поставили принципиальный вопрос о ритме. Это должно было быть содержанием всех выступлений. Но у кого вы видели в выступлениях обещание, что ритмичная работа начнется с 1 сентября? Выступления делались по шаблону: «дай, помоги», — а заканчивались «но все-таки я сделаю».

Вопрос о ритмичном выпуске танков и моторов — это условие победы. Война сейчас очень гибкая, на деле иногда и день играет большую роль... Война требует от заводов развивать темпы. Это возможно при ритмичной работе...

У меня была специальная беседа со Сталиным о ритме. Ритмич-

ная работа должна начаться немедленно. О Кировском заводе много пишут, но Кировский завод еще многое не сделал для Отечественной войны. Проделана большая работа по подготовке. Но надо было дать танки, а этого и не было сделано. Я не привык к такому положению вещей. Не так воспитал меня кировский коллектив. Почему же Кировский завод не справился? Здесь объединились два мощных коллектива. Чем мы всегда были сильны? В первую очередь — дружностью коллектива. Помогали цех цеху. Мы всегда были сильны высокой производственной дисциплиной. У Титова в Ленинграде в цехе я бывал сотни раз и ни разу не находил спящих. А сейчас я нашел у Титова за один раз сотни спящих. Кировский коллектив не давал никому зазнаваться. Чего бы это ни стоило: грубо говоря, сами себя раздевали, чтобы другие не раздели. Всегда у нас было чувство исключительной ответственности. Разве можно себе представить, чтобы решение всех вопросов исходило от директора завода? Больше самостоятельности надо. 70 процентов всех вопросов, о которых вы говорили, должны решаться начальниками цехов. Нужно поднять ответственность и инициативу. Никогда не было на Кировском заводе, чтобы была потеряна уверенность в выполнении задачи. Если потеряна вера, то и солома на дороге может стать причиной невыполнения программы. Не имеют основания запаздывать ни кузница, ни литейня. Если опаздываете — одумайтесь!.. Жизнь должна начинаться 1-го числа, а не 31-го. Штурмуйте 1 сентября, давайте всех собирать 1-го, а не 20-го. И в быту давайте введем этот режим, попрощаемся с женою 1-го числа и придем к ней в конце месяца. На войне всегда убивают, а тыл есть тыл, люди здесь сами не замечают, как они превращаются в тыловиков. Если бы все жили одной мыслью — болеть за производство, а ведь многие из командного состава у нас больше болеют картошкой. Бытовыми вопросами занимайтесь, но прежде всего не забывайте о нуждах фронта. Решать вопросы надо в свое время. Это непреложный закон... Я требую 50 танков в день. Мотористы, давайте нам 500 моторов. Кировский завод сейчас должен пойти на твердый суточный график. Я прошу, чтобы Кировский завод был образцом, маяком, чтобы он освещал путь развития и выпуска танков!..»

На этом актив кончился, люди к концу речи Зальцмана определенно наэлектризовались. Речь шла, повышаясь в тоне... с личными выпадами и обращениями, с тяжелым остроумием, с нарастающим пафосом. Я хорошо разглядела Зальцмана. В профиль у него толстая шея, как на камее, длинный нос. Близко сидящие глаза, чувственный рот, высокий, умный, пирамидальный лоб, как будто с локоном на макушке, чуть-чуть похож на Кутузова, но методы у него — суворовские. Как он выступает: говорит очень медленно, громко, смачно, с резкими жестами (откидываясь назад, вперед) по классическому римскому обычью. Начинает сразу, но издалека и подводит к концу все подъемней и подъемней. Аудитория, когда он начал говорить, была утомлена, и спать хотелось. Но он постепенно забрал, очень подействовал, поднял настроение, держал крепко до последнего слова. Он — умница. Видно, что он правильно чувствует кадры. Хорошо сказано, что в тылу стали тыловиками, это простая истина, но ее надо все время по-новому повторять, и он сумел. В общем, блестящая речь.

После актива зашла в газету, оттуда домой. Заснула поздно...

31/VIII, Челябинск.

В 9 часов утра — стук в дверь. Открываю — приехал с машиной человек от Зальцмана взять меня в аэропорт, чтоб лететь с ним в Москву. По-видимому, он принял мою записку к нему (я написала «завтра улетаю») в буквальном смысле, а может быть, хотел на аэродроме дать мне те полчаса беседы, которые обещал и которые я вчера после актива не решилась у него попросить. Написала теплую записочку и не поехала.

Опять в обкоме, беседа со Шваревым, который обещал, но так и не смог поехать со мной в Миасс. С большими трудностями получила билет и выехала вечером в Миасс. Шварев позвонил по телефону в район о том, чтоб встретили меня и тотчас же препроводили в Ильменский заповедник. Я это задумала сама... Выехала — скоро стемнело. Южного Урала в окно я так и не успела увидеть. Поздно к ночи мы подъехали к Миассу. Я увидела темное поблескивание большого, смутно различимого водного пространства — это озеро Ильмень. За ним огоньки. Мягкие темные силуэты гор и яркая горсть огня — районный центр. Не успела выйти из вагона, как ко мне подошла длинная фигура и хорошо произносящий слова мужской голос спросил: «Вы товарищ Шагинян?»

Я страшно обрадовалась. В полной темноте мы прошли через пути, вошли в маленькое здание вокзала, битком набитое людьми, и опять вышли в темь, на крыльцо. Мой спутник исчез в темноте — пошел отвязывать лошадь. Я уселась в уральский коробок на сено, спутник мой сел возле меня, тронул вожжи, и лошадь зачмокала по грязи в абсолютной темноте, в мягким, хотя и свежем, приятном горном воздухе, наполненном сыростью, прелым лесным осенним запахом, листьями, влагой, ночью. Спутник мой оказался сыном художника Васнецова, Всеволодом Аполлинариевичем, зоологом, очень долго работавшим в Арктике и сейчас чувствовавшим себя на Южном Урале как где-то очень на юге; человек с обветренной светловолосой головой, длиннолицый, некрасивый, сурового вида и с душою редчайше доброй, деликатной и детской. С ним мы успели хорошо познакомиться и свыкнуться за все время моего пребывания в заповеднике. В дороге он мне сказал, что везет [меня] в семью бывшего директора Григория Никитича Моисеева, так как у них есть отдельная комната и там устроиться удобней всего. Но из его слов я почувствовала, какое это огромное стеснение для заповедника — мой приезд. Ехали мы долго, и было странно, как он в темноте управляет, а лошадь шагает. Поднимались на гору, спускались, пересекали овраги, коробок плясал, накренялся. Наконец вынырнули из черноты ворота, полил свет из домов, въехали на территорию заповедника, и через 5 минут я уже стояла в деревянной передней, окруженная семьей Моисеевых: бабушка, двое внуков (из них старший, Рэм, стал моим большим приятелем по части камней), их товарищ — мальчик, живущий с ними, жена Ольга — не помню отчества, сам Моисеев, контуженный на войне и сейчас отдыхающий, еще очень нервный, забывчивый, страдающий головными болями. Васнецов привел меня и простился. Заповедник выдал на мой приезд через завхоза мне паек, который тут же и стоял на столе — буханка хлеба, масло, сахар, молоко и помидоры. Я почувствовала некоторую натянутость у хозяев — по-видимому, в связи с моим приездом им пришлось как-то потесниться — и начала с того, что отдала им свой паек. Сели вместе пить чай, разговорились за полночь, и лед отошел. Заснула крепким сном на новом месте, а утром...

1/IX. Ильменский государственный заповедник.

Судьба послала мне самый свой лучший подарок — сияющий, безоблачный, тихий, теплый осенний день. Проснувшись, увидела в окно красоту, от которой сердце дрогнуло: весь в красном и в золоте кудрявый лиственний лес, поределый, но еще густой, на фоне синего хрустально-чистого неба. А сквозь листву — кипение на солнце расплавленного серебра, огромная серебряная чаша воды — озеро. Я выскочила, как только оделась, на крыльцо — и такой сшиб меня аромат лесной осени, грибного, ягодного, прелого, осеннего, брусничного, навозного запаха, так закружила земля, что захотелось никуда отсюда не уезжать навеки. Между тем с вечера еще и Моисеев и особенно Рэм ввели меня в каменные темы заповедника. Рэм прита-

шил свои коллекции, он завзятый минералог, любит камни, как я, и мне опять пришлось пережить чувство, какое испытывала очень часто в Свердловске: до чего северное небо во всей его пестроте и странности напоминает уральские минералы, особенно орскую яшму, а сейчас — уралориты и вишневиты...

Попив чаю, мы с Григорием Никитичем через лес, мимо строящегося нового здания музея (старый сгорел со всеми экспонатами) по тропиночке спустились к конторе и временному зданию музея. Здесь встретил меня профессор Владимир Ильич Крыжановский, страстный минералог и ученый, друг и почитатель академика Ферсмана, высокий худощавый человек с лицом стареющей женщины, безволосым, в морщинах, отлично и очень красиво говорящий и любящий говорить, но в меру, без навязчивости и всегда интересно. Он мне для начала дал характеристику Ильменских гор и основных здешних минералов, а потом мы начали смотреть музей. Особый интерес заповедник представляет потому, что он находится на границе Европы и Азии, на границе лесостепи. Ильменские горы открыты для нас 125 лет назад. Они сложены из особой нефелиновой породы — миаскита. Нефелин — это земная щелочь. Где на земле нефелиновый сиенит, там исключительное разнообразие минералов, например Ильменские горы, хибинская тундра и т. д. В Ильменских горах около 100 минералов, и до сих пор каждый год мы открываем тут все новые и новые соединения. 22 года назад в своем декрете Ленин указал: Ильменские горы должны служить основой для решения ряда практических задач. «Мы, ученые, и занимаемся здесь их решением».

Все это он стал иллюстрировать показом. Под стеклом лежали чудные отполированные камни — нежно-голубой, клубящийся вишневит, багрово-пятнистый с черным уралорит, словно земля, сочущаяся кровью. Чудные дымчатые топазы, кристаллы шерла, аквамарина. Но больше всего мне понравился замечательный письменный гранит, называемый еврейский камень — словно покрытый арабскими письменами, — причем есть зеленоватые (с примесью амazonита), серые, голубоватые, опаловые и т. д. Музей подарил мне две чудесные книжки — путеводитель Березина по Ильменскому заповеднику и «Наш автопробег по Южному Уралу» академика А. Е. Ферсмана и В. И. Крыжановского.

После беседы мы вышли и посмотрели ближайшие от конторы копи. День такой, что чувствуешь себя пьяной радостью жизни и думаешь: вот если бы кончилась война, если бы снова жить — сколько и какого содержания в нашей советской жизни!

Я наелась мягких и безвоздушных, как вата, черных ягод, которыми здесь облиты сотни кустарников, — оказывается, это крушина. Здесь, в заповеднике, не разрешается ни рвать, ни ловить, ни стрелять, ни удить, поэтому земля кишит ягодами и грибами, леса — птицами и животными, воды — рыбами. Наконец подали нам вчерашний коробок, и опять Всеолод Аполлониевич уселся с нами, только вместо Моисеева поехал профессор Крыжановский. Лошадь повезла нас по знаменитой «Дороге ученых», минуя цирконовую и прочие копи, к молибденовой. Мы ехали тихо, возле каждой останавливались, лазили внутрь, отбивали себе образцы. Кто воображает, что редкие ильменские минералы в своих копях так же красивы, как в музеях под стеклом, тот страшно будет разочарован. Без разреза и без полировки все они серо-грязноватого, почти одинакового цвета, и в них на первый взгляд ничего нет особенного. Конец нашего путешествия — молибденовая копь. Сейчас ее разрабатывают, с тем чтобы использовать для промышленности. В лесу, на горке, мы увидели пирамидку буровой, услышали гудение моторчика, увидели и гору отвалов черно-серого цвета, с блестящими кристалликами молибдена в них. Навстречу нам вышла девушка в мужских штанах, забранных в сапоги, и в ватнике, затянутом на очень стройной талии ремнем. Остриженная в

скобку, кудрявая, румяная, уральского типа красоты, здоровая и удивительно милая девушка. Лидия Ивановна Лобова, старший геолог, инженер и начальник разведки молибденового месторождения в районе 15-й копи Ильменского государственного заповедника. Мы спешились, облазили с нею вместе всю разведку, отшибли кусок породы с молибденом, посидели, познакомились с людьми геологоразведочной партии — горбун механик, девушки, — даже аллея вздохов у них тут есть, и было за лето немало романов. Потом опять в коробок и поехали от копи к копи, все те же лазанья, сбириания образцов, тот же дивный воздух, лесная тишина, прель. Так удалось осмотреть копи графита, роговой обманки, циркона, слюды, нефелина, полевого шпата. Сейчас геологи работают в заповеднике главным образом над слюдой, полевым шпатом и молибденом. Ильменский заповедник дал приют Геологическому институту. Кроме того, здесь живет и работает академик А. Н. Заварицкий. В дороге Владимир Ильич Крыжановский много рассказывал мне о Ферсмане, которого очень любит, и дал понять об интригах и расприях, раздирающих этот тихий и малолюдный ученый уголок. Люди поедают сами себя и делятся на за и против. Сам заповедник после революции был сперва при Наркомпросе, потом в ведении Академии наук, а сейчас в ведении Управления по заповедникам при Наркомпросе. В нем имеется лаборатория; работают при ней сотрудники Геологического института. Я доехала домой, обещав Крыжановскому вечером устроить выступление: о литературе и текущем моменте. Так и поступила. Народ собрался в музее, было человек 20, прошло очень тепло...

2/IX.

Нынче с утра ходила по отдельным участкам заповедника. Сделала первый визит академику Александру Николаевичу Заварицкому. Большой, приятный, умный старик, в хорошем домике с семьей, окна прямо на озеро. Письменный стол и библиотечный шкаф — солидные, на прочную ученую ногу, для хорошей работы. Заварицкий работает по меди. Он в каком-то отношении антагонист Ферсмана (которого его противники считают эстетом, художником-писателем в большей степени, чем ученым). Заварицкий работает под основным углом зрения: все для промышленности; интерес геологической работы — прикладной, чтоб можно было тотчас же сделать практические выводы. Он сейчас занимается двумя медными месторождениями.. У него своя собственная теория образования медных руд. Господствующая теория объясняет богатства Урала причинами тектоническими: в отдаленные века совершилась тектоническая катастрофа, на Урале породы были раздавлены, образовались щели, и туда натекли железо и медь. Но Заварицкий считает это неверным. Когда в 1936 году была открыта Блява, выяснилось, что она не может быть объяснена этой геологической теорией, и профессор Заварицкий предложил свою: Урал — вулканическая область. В этой вулканической области и возникли месторождения меди до всякой тектонической катастрофы. Подобно Бляве есть и другие медные месторождения, например японское Куромонго, они подобны этим. Беседу с Заварицким я должна проверить по его работам и развить здесь. От Заварицкого мы прошли в лабораторию Ильменского заповедника, где работает жена Моисеева.

Лаборатория. Ее с начала войны перестроили на военный лад. Резкое изменение в вопросах тематики — все-таки они далеки от текущей действительности. В Миассе много эвакуированных организаций. Предполагалось и строится много новых предприятий, и необходимо было проверить качество того сырья, на котором они должны были работать. Наша лаборатория целиком подчинила себя этой задаче и производит разведку, анализы и т. д. в помощь эва-

куированным предприятиям.. Когда встал вопрос о том, что госпитали нуждаются в витаминах, в частности в витамине С, наша лаборатория предложила использовать отходы лесных вырубок. Из хвои и лиственницы (аскорбиновая кислота) мы выделяем витамин С. У раненого бойца при витаминном лечении заживление ран идет вдвое быстрее. Далее: наша лаборатория ввела контроль над грязями, химическим и радиологическим составом грязей, применяемых в госпиталях для грязелечения. Специальный работник лаборатории полмесяца работает в госпитале...

Из лаборатории прошли в контору, где новый директор говорит о хозяйственных делах и о покосе. Дождались «фордика», присланного нам заводом, и поехали в районный центр Миасс к секретарю райкома Петрову, с которым нужно было непременно познакомиться...

Приехали на машине в Миасс — крепко отстроенный провинциальный городок. Секретарь райкома Петров — веселый и, видимо, сильный парень (а район трудный...). Рассказ Петрова: «У меня в районе 25 колхозов. Колхозы крепкие, зерновые. Весенний сев мы провели в течение 15 рабочих дней. Пары подняли вовремя, план перевыполнили на 7 процентов. В итоге весеннего сева Наркомзем отметил обе наши МТС как победителей в соревновании. Теперь — о нашей промышленности. К нам переведен московский завод «ЗИС». В августе он перевыполнил программу по моторам. Переведен к нам завод «Динамо», изготавляет моторы и коробки скоростей; наконец, у нас Миасс — золото. Местная промышленность — замечательный, единственный в стране напильочный завод: без напильника не будет ни танка, ни самолета».

(Здесь Петров подвел нас к стене, где висела под стеклом целая коллекция всех видов напильников — и длинных, и плоских, и больших, и маленьких...)...

«Дальше: есть у нас мраморная фабрика, делаем плиты и доски. Мебельная — делаем хорошую деревянную мебель. Но есть в нашем районе и многое, что составляет наши недочеты. Не все в порядке по линии культуры. Нет культурных очагов. Кроме старого театра, ни одного культурного уголка — все занято эвакуированными предприятиями...»

Выйдя из райкома, мы отправились осмотреть местный музей. Он маленький, видимо утеснен в своем помещении. При нас ходили по музею ученические экскурсии вместе с заведующей-старушкой. Музей беден и совершенно бессистемен... Но одно в музее замечательно и очень интересно. Я страшно жалею, что не сумела снять тщательную копию с «паспорта» этого экспоната. Называется он «Кундравинский бог». Недалеко есть деревня Кундравинское, старообрядческая. До сих пор старики из нее бегут в леса, и уже при советской власти был случай побега целой партии девушек к старцам на послушание. До революции в деревне был свой обогатительный идол, его «случайно» открыли в сарае одного местного старожила. Когда входишь в музей, видишь в углу сидящую в неподвижной позе в человеческий рост полуголую фигуру с окровавленными ногами и лбом — Христа, вырезанного из дерева и раскрашенного. Очень выразительная, страшная, глубоко народная фигура.

Едем на машине назад все по той же грязи, минуем тальковую фабрику (во дворе — огромные кучи талька). Сегодня ночью я выезжаю из Ильменя, и поэтому проститься, посидеть и рассказать о себе ко мне пришли вечером все мои ильменские знакомые. Их я за два дня уже успела очень полюбить и подружиться с ними, главным образом и больше всего — со Всеволодом Аполлинариевичем Васнецовым, с Лидией Ивановной Лобовой и семьей Моисеевых.

Первыми пришли Васнецов и Н. Ф. Медведев. Они принесли мне в дар от музея целый мешок образцов минералов и ящик с основной минералогической ильменской группой, от которой я пришла

в страшный восторг. Трудно даже описать, какое счастье — мне дают камни, вероятно, это типичное чувство для определенной группы людей (минералоги — такие люди, что никогда не устают наслаждаться камнями, и, сколько ни собирают, им всегда бывает мало). Камни подарили с дарственной надписью от музея.

Николай Федорович Медведев по моей просьбе долго и интересно рассказывал о себе:

«Родился в 1890 году. С Полевского завода. Я с малолетства был гранильщик, и брат у меня — гранильщик. А потом, в 1913 году, управляющий заводом побывал за границей и, вернувшись, начал разведывать медный колчедан, — меня попросили делать шлифы. А шлифовальщиков было в то время мало. С той поры я и получил квалификацию, а усовершенствовал эту квалификацию в Ленинграде... Ферсман хорошо знает меня по Уралу. Сейчас много гранильщиков перешло на изготовление пластинок из пьезокварца, с профессором Шубниковым работают на оборонном заводе, так что мы, гранильщики, включились тоже в дело обороны. В 1929 году поступил я в Ленинграде в Главное геологоразведочное управление заведующим мастерскими, а из Ленинграда сначала на транспорт. Надо сказать, что я член партии с 1920 года, участвовал в гражданской войне по ликвидации колчаковщины. Сюда, в заповедник, поступил в 1937 году. До революции я гранил изумруды для заграничного рынка. Один камешок (он произносит «камешок») изумруд и александрита в старое время ценился очень дорого, гораздо дороже, чем золото [того же веса]. Гранильщик был на Урале большим мастером. В уральских камнях та особенность, что краска лежит на поверхности. И надо так ограниить его, чтобы краска разлилась по всему камню. У каждого продавца раньше имелось деревянное масло, наст�ивалось оно зеленью, это было законное дело, о нем знали и заграничные покупщики-ювелиры. Много помню историй с изумрудами...

Одно время были в моде александриты. Один раз мне пришлось гравить камень в три с половиной карата. Настоящая хорошая грань камень, как почку, раскрывает, она всю его красоту, все какие есть в нем возможности выводит на свет. Александрит, он как будто бы зеленоватый днем, а как огня зажжешь, он кровяно-красный. За границей его очень ценили. Но потом нашли способ искусственного изготовления, их потом и к нам пудами возили, отличить от настоящего было трудно, ну и упала цена. Пять лет я работаю здесь, в заповеднике. Здесь были тогда геологи, и при моем приходе геологическая разведка здесь как раз расширялась. Поручили мне сделать шлифы, а также шлифовку для музея — музей наш, как вы знаете, сгорел, а был замечательный. Потом я стал обслуживать много организаций. Шлифы сейчас мало кто делает».

Вслед за Медведевым я прослушала очень интересный рассказ Васнецова:

«О заповеднике. Война заставила нас перестроиться. Перестройка эта была бесполезной, потому что само понятие «заповедник», самый принцип существования его подвергся пересмотру. Заповедник — это охранитель, собиратель даров природы, это выделенный угол земли, природа и богатство которого не подлежат потребительской и промышленной эксплуатации, а охраняются и изучаются. Между тем война призвала нас часть наших богатств пустить на оборону. У нас взяли лес. Мы не пускаем в центр заповедника, там у нас особая зона. Но в южной и восточной части мы проводим вырубки и стараемся следить, чтобы после порубки все было убрано, чтоб молодняк был сохранен и чтоб те, которые идут к нам на порубку, вели себя честно и дисциплинированно. Однако это не всегда удается. В этом году для некоторых организаций и в некоторых зонах допустили сбор ягод и грибов. Все это несколько нарушает нашу жизнь, так

как, повторяю, не все люди ведут себя хорошо. В отношении природных богатств мы допустили эксплуатацию ряда полезных ископаемых, необходимых для обороны. Это, во-первых, ниобий и танталовые руды, нужные для обороны (Селянкинское месторождение ильменорутила). Во-вторых, добыча циркона. Он нужен для некоторых ста-лей. В-третьих, молибдена — он пока сдается, как золото, в золотоскупку. Наконец, все эти годы даем порядочное количество полевого шпата.

Это в отношении минералов. Но наш заповедник не только минералогический. Мы провели у себя сбор лекарственных растений. Сейчас закладываем маленький питомник валерьянки, шиповника, ромашки. Сбор лекарственных растений предполагаем провести и на будущий год на все районы — через школы. Наша химлаборатория работает исключительно для оборонных предприятий. За этот год она увеличилась больше чем в два раза. Научная работа. Структурно: 1) горная станция с геологической и минералогической тематикой; 2) биологическая станция, изучающая жизнь живой природы; 3) химическая лаборатория; 4) метеорологическая станция.

По горной станции научные темы следующие: 1) геолог Симонов: поиски редких элементов на территории заповедника; геологоразведочные и поисковые работы по договору с заповедником. Эти последние допускаются, но на известных условиях. Наблюдение за ними и за работами по разведке молибдена и ильменорутила и осуществляют Симонов; 2) Афанасьев руководит разведкой керамического сырья; 3) Субботина, только что окончившая университет, ведает всеми копями, составляет описания и паспорта этих копей, а также ведет контроль над работами по разведке циркона и слюды.

По биологической станции: 1) ботаник Михайловская работает по изучению видового состава и распространения лекарственных растений на территории заповедника. Одновременно проводит сбор и сушку лекарственных растений. Она же руководит опытным питомником. Лекарственные растения уже сданы, осталось сдать немного, мы можем выйти на одно из первых мест по сбору и сдаче; 2) в связи с массовыми лесорубками появляется большое количество насекомых — вредителей лесов, размножение всевозможных древесных вредителей. Надо сохранить лес в здоровом состоянии. Поэтому в исследовательском плане проработана тема энтомологом Пржетульской: наблюдение за лесом и его зараженностью; 3) зоолог Сергей Львович Ушаков, исключительный знаток и любитель природы, работает в заповеднике с 1936 года. Косуля у него живет. Собственно, живет она в лесу, но приходит в 8 часов утра к чаю и в 6 часов вечера к обеду с регулярностью часовой стрелки. Под началом Ушакова все животные, пятнистые олени, уральские косули. Сам он немножко похож на Суворова, уралец из Перми. Ему 63-й год. Зоологический музей Пермского университета создан Ушаковым. Чтобы животные зимой не голодали, по всему заповеднику заготовляется сено... Затем изготавливаются веники и втыкаются в глубокий снег. Лоси, олени и косули ими подкармливаются. Животные уже знают, что о них заботятся, знают места, где ставятся эти запасы. Однажды косуля, раненная охотником, прибежала в заповедник — за помощью. Еще мы расставляем солонцы — куски соли вклиниваем в пень, животные приходят лизать. Все это делается в зонах полной заповедности, где усиленная охрана и куда теоретически никто не допускается. Зимою по первому снегу, когда следы отпечатываются, проводится учет всех животных по их следам, подсчитываются входные и выходные следы и т. д. и сколько животных прошло; 4) Всеволод Аполлинариевич Васнецов. В основном у него — общая руководящая работа; он заведующий научной частью и заведующий биологической станцией. Тема его научной работы: на многих озерах происходит зимой явление замора — подо льдом рыбы от недостатка кислорода начинают задыхаться.

хаться. С этим вырабатываются способы борьбы, например так называемая вентиляция водных масс. Прорубаются в озере проруби... Над ними — утепленный шалаш, чтобы предохранить проруби от замерзания. Эти проруби систематически прочищаются ото льда. Их нужно много на озере: 15—20. Работа в высшей степени трудоемкая, но мы ее провели, в текущем году замора не возникло. На эту зиму предполагаем механизировать этот процесс. Поставим ветряные мельницы, простейшие двигатели, чтобы они буровили воду, постоянно ее перемешивали, двигали и не давали ей замерзать. Кроме того, у меня — контроль над работой рыболовецких организаций, слежу, чтобы соблюдали правила рыболовства, не произвели перелова рыбы или недолова, т. е. не оставили бы рыбу там, где она может погибнуть. Ну, еще сенозаготовки и т. д.— все это для зоологов. О химической лаборатории вы уже знаете, побывали там.

Метеорологическая станция ведет общую работу по погоде и обслуживает сведениями о погоде многие оборонные предприятия.

Остается о культурных работах, но о них не говорю, их мало у нас. Библиотеки современных книг нет, читать нечего, попал мне как-то томик Вальтера Скотта, так я оторваться от него не мог, запоем читал. К нам сюда мало кто заезжает, недавно был Никулин, но проявил полнейшее равнодушие к минералам, чем нас немало обидел».

На этом Васнецов кончил свой рассказ. Время было позднее. Мы начали прощаться с Моисеевым и прочими нашими хозяевами. Я увязала свои драгоценные камушки, накинула пудовый рюкзак, и опять — лошадь Васятка, впряженная в коробок, и тихий Всеивод Аполлинариевич с вожжами, и полная тьма, в которой мы с ним под дождиком, в осенней влаге и сырости добираемся до вокзала. Поезда пришлось ждать до трех ночи.

4—13/IX.

Огромный перерыв в записи. За это время очень много произошло и пережито. Во-первых, Милочка 16 сентября уехала в Самарканд и вернулась 25 октября. Рассказывала о юге, о жизни писателей в Ташкенте, об Алма-Ате (Казахстан очень хороши, но там царство кино, это будущий наш Голливуд). Работала за это время тоже интенсивно, хотя мало что выходило. Нет концентрации для большой художественной вещи...

22/XI.

Делаю перерыв в записи. Из-за сплошного чередования познательных впечатлений, которые все нужно переписывать и расшифровывать из конспектов, я не успеваю записывать просто человеческое, и дневник сушится, обезличивается. За эти дни пришлось конспектировать уральскую декаду, была у местных композиторов Трамбицкого и Фролова; потом началась сессия Академии наук — измучилась невероятно. Потом надо записать праздник, торжественное заседание в горсовете. Написала за это время несколько праздничных статей, о сессии — одну статью.

Радостные вести с фронта.

23—24/XI.

...Вчера было рождение Леночки, ей годик, и в подарок ей — счастливая сводка: мы начали гнать немцев за 70 километров от Сталинграда, взяли 5 городов, 24 тысячи пленных... Настроение у всех приподнятое. Вчера выступали в пользу танковой колонны. Я читала из Низами «Кирпичника» и «Бакалейщика». Было это, как в филармонии, неуместно, и я плохо прочла. Сегодня утром позвонил Полисюк, попросил сделать для «Уральского рабочего» «зарисовку». Попшла к нему, весь день работала и лишь в 11 часов кончила маленькую и плохонькую статью «Долг гражданина». Мне нужно вести хорошие статьи о культуре труда, частые, под одним и тем же названием, и это у меня хорошо выйдет.

25/XI — 3/XII.

В эти дни было у нас писательское собрание с чтением обращения обкома (о конце года, сдаче программы сверх плана). Выступила с обязательством, вывесила ежедневный график дня и не ложусь спать, прежде чем не выполню свою норму. А норма огромная, так как до конца года надо успеть покончить с очередными задачами: 1) «Свердловск» в «Красную звезду»; 2) «Искусство Урала», в 1 печатный лист статью для «Литературы и искусства»...; 3) «Фронт» на сцене — для «Уральского рабочего» по просьбе театра.

Потом идут:

- 1) окончание «Людей Урала»;
- 2) переработка «Уральского города»;
- 3) написание «Урала в обороне»;
- 4) окончание «Танкистов»;

5) развитие «Искусства Урала» статьями об архитектуре, Бажове и писателях.

Все это надо собрать в одну книгу «Урал в обороне», которая, возможно, и печататься не будет, так как нет бумаги, но я ее представляю Щербакову перед самым Новым годом. С января я мечтаю покончить со статьями и усесться писать большой роман на уральском материале — о двух танковых заводах.

За эти дни записать позднее — посещение Алексея Толстого и беседу с ним⁵... О Шолохове вести, что ранен. Письмо Фадеева, крайне меня оскорбившее, — не столько содержанием, сколько менторским тоном. Посещение Гудзия и разговор о защите диссертации. Всего не упомнишь, жизнь каждый день приносит новое. Начала читать статью Ладейщикова о В. Майкове как о предшественнике Чернышевского — он, по-моему, недопонял классовости в вопросе создания новой, материалистической эстетики, разницы между разночинным движением и дворянской позицией Майкова, все-таки был оттенок.

Ну, сажусь за «Людей Урала».

4—5/XII.

Сделала в 3 дня «Людей Урала», то есть развила написанное. Снесла сегодня переписывать в Свердлгиз. Были нынче вечером Сергей Сергеевич Гинко и Иван Иванович Урбан (высокий сутулый ленинградец, крупный гидротехник, медлительно, как бы жуя, говорит, благовоспитан, умен и мил). Говорили о водных ресурсах Урала.

6/XII.

Савчук сорвал с работы, попросил написать в армейскую газету «Сын родины» очерк об Урале. Я написала. Хотела еще работать, но не удалось. Дома у нас неважно, все прихварываем. В номере холодно.

8/XII.

Все опять полетело к черту. Телеграмма из Москвы, вызывающая на «Уральский вечер», который должен состояться 13 декабря, в воскресенье. Вызывают Караваеву, Бажова и меня. Сперва не хотела ехать и пошла отказываться, потом — разговор с Шаумяном, он говорит, что поехать надо. Решила уже 15-го возвращаться обратно, с тем чтоб 18-го быть в Нижнем Тагиле и там засесть за работу с выездной редакцией «Уральского рабочего». Но «Урал в обороне» закончить явно не придется, а в Москве работать и думать нечего. Явно невозможное дело. Остается в этом году подать лишь одну небольшую книжечку «Люди Урала» в 6 печатных листов. В ней собрать: «Люди Урала» (3 листа), «Два мастера» (2 листа), «Танкисты» (1 лист) — и

⁵ Встреча с Алексеем Толстым в дневнике М. Шагинян подробно не зафиксирована.

предложить эту книжечку «Советскому писателю» — «Дела и люди Урала». В общем, посмотрим. Страстно хочу работать к концу года. Не знаю, что будет с нами дальше, выхода из этого сидения на Урале не видно. Шаумян рассказал, как Андрианов звонил ему по телефону из Москвы и запретил выпускать отсюда людей искусства, писателей и артистов. В частности, Гильтельс хотел перебраться в Ташкент — Андрианов был у Храпченко и настоял, чтоб этого не случилось: «Всех лауреатов — на обслуживание трудящихся Свердловской области».

9/XII.

Нынче с утра — никакой работы, никакого чтения, возня с пропусками и билетами, должны были ночью выехать и не могли, сможем только завтра и вряд ли попадем вовремя на вечер (заносы). Линуха нервничает, что уезжаю. Получила сегодня переписанных «Людей Урала» — хорошо! Прибавила полтора листа, все вместе компактное и сильное. Разговор с Бажовым. Сегодня в 5.40 вечера делала передачу по радио, прочла свою статью «Свердловск», на радио говорят, что было очень хорошо, а дома ругнули (голос изменился, много высоких нот, не узнали меня). Статья неплохая, но жидкая и еще не сработанная как следует, и слишком много риторики.

10/XII, Москва — 31/XII, Свердловск.

Нынче в 4 часа утра выехали с Бажовым в Москву и оттуда 25-го сели в поезд № 86 на Свердловск. Все эти дни в Москве невыносимо хлопотно и суетно. 1) вечер «Урал — кузница обороны» — в ЦДКА: я делала вступительное слово. 2) вечер «Урал — кузница обороны» — в зале Чайковского. Я делала новый доклад на 30 минут. 3) и 4) — два заседания в Союзе писателей по выдвижению кандидатов на Сталинские премии. Книги давались на прочтение, читавшие вставали и высказывались. Начали с драматургов, потом перешли на поэтов и наконец на прозаиков. Все в целом очень произвольно и по-семейственному, просто было минутами противно.

Сейфуллина пишет хорошую настоящую вещь «Партизанка», это ее стихия и ее тема... Джим за эти дни раз 8 ездил в 6 часов утра на аэродром и наконец вылетел 18-го в Ереван — через Куйбышев, Гурьев-городок, Астрахань, Баку, Тбилиси. Было совещание с нашей уральской группой... в ЦК. Мы все выступали и говорили.

Наконец в этот приезд я выставила и провела кандидатуру П. П. Бажова на Сталинскую премию за «Малахитовую шкатулку», провели мы в Союз Богоявленова, Высотскую, Рождественскую и т. д. Было еще совещание в ЦК комсомола, там не была, но передала в Детиздат «Красные флаги» Ликстанова⁶. Измучилась. Впечатление от Москвы — уже не так темно, как раньше... Город живет более или менее нормально, но голоднее, чем у нас, почти все вернулись и на старых местах, в Союзе писателей — бестолочь, как и раньше, на экранах — «Очарован тобой». Еще видела Н. И. Подвойского. Несколько раз. Он попросил отстукать на машинке дневник о танкистах в сыром виде. Была в «Правде». Самое существенное от Москвы — знакомство с башкирским искусством.

Вернувшись, в комнате писателя сделали с Бажовым доклад о том, что было в Москве...

Весь этот период и Москва богаты впечатлениями, образами людей. Мне нужно отсидеться где-нибудь и все это отразить в повести, написать хорошо...

⁶ Ликстанов Иосиф Исаакович (1900—1955) — детский писатель, автор повестей «Малышок», «Приключения юнги» (первокачальное название «Красные флаги») и других книг.

1/І 1943, Свердловск, «Большой Урал».

Тихо и спокойно прошел день. «Уральский рабочий», для которого вчера с утра писала статью, не вышел. Подчитываю к «Уралу в обороне». Хорошие сводки.

2—11/І.

За эти дни переменили номер, перебралась этажом выше, в № 159. Написала статью в «Правду» — «Водное хозяйство Урала». У нас новый директор — моряк, дважды раненный, защитник Севастополя, очень приятный человек... Сегодня, 11-го, выступаю по радио в 5.40. Выступала, прочитала «Передачу опыта» из «Людей Урала». Очерк суховатый, но наши утверждают, что прозвучало очень хорошо. Вечером у нас большой вечер в пользу танка «Свердловец» — в клубе имени Дзержинского. Выступали почти все писатели, Пермяк был конферансье (меня представлял так: «Наша дважды орденоносная, четырежды энергичная, случайно прожившая в Москве до 50 лет, но коренная уральская писательница Мариэтта Шагинян» и т. д.). Мое выступление (о танках). Были артисты оперетты. Когда пришла домой, Лина сообщила радостные вести: мы взяли Кисловодск, Пятигорск, Минеральные Воды, Георгиевск и Железноводск.

12—23/І.

Тщетные попытки работать, домашняя обстановка невозможна. Приезд Хачатурия, он прочитал «Анаит» и очень ее похвалил, хотя сам как будто писать не собирается (говорят, можно сделать и оперу и балет). Блестящая сводка — наши все время отбрасывают немцев, в Сталинграде мы окружили немцев плотным кольцом и истребляем их, прорвали блокаду Ленинграда. Была в геологическом музее у Екатерины Дмитриевны Бучатской, отдала ей шлифовать свои яшмы. Она милая, приятная женщина, единственный сын — на фронте. 21-го — на торжественном заседании в горсовете, делал доклад Пустовалов, договорились с Андриановым, что он примет меня и Бажова. Сегодня, 23-го, были с Бажовым у него — прекрасное впечатление. Умный, дальний, сердечный. Рассказали ему все о писательских делах, попросили, чтоб помог завезти бумагу. О библиотеках, о музее и т. д. О бытовых делах, как мы живем.

До этого: телеграмма Поспелова⁷ о статье.

Я созвонилась с заводом и поехала на него. Провела там целый день, это было 20-го, в среду. Завод исключительно интересный.

24/І — 9/ІІІ.

За эти месяцы — бесчисленные заказы, сбивающие с толку. «Красная звезда» сорвала («Возвращение»), потом трудовые резервы сорвали (закончила для них «Воспитание»), приезд Бориса Николаевича Агапова, с которым много и плодотворно разговаривала. Статьи «Менделеев об Урале», «Переводчик «Интернационала» (о Коце⁸ — Коц, бедный, умирает, он очень плох), «Как организуется победа» или «Средний командный состав» (читала по радио)... Усиленные чтения на Почтовой, 7, в читальне Академии наук. Прочла все что тут можно достать из Комарова, Байкова, Обручева, Струмилина и о них, с карандашом. Это для статьи «Академики на Урале» в «Вестник Академии наук»... 21/ІІ праздновали мое 55-летие и 40 лет со дня появления в печати первого [моего] произведения.

⁷ П о с п е л о в Пётр Николаевич (1898—1979) — советский государственный и партийный деятель. В 1940—1949 годах редактор газеты «Правда».

⁸ К о ц Аркадий Яковлевич (1872—1943) — поэт-переводчик, перевел на русский язык текст «Интернационала» Э. Потье.

10—31/III.

За это время написала 3 печатных листа прекрасной работы «Академики на Урале»⁹, особенно удались Байков и Обручев. Кроме того, маленькую статью «Великий строитель» о Свердловске и «Алексей Максимович» — о Горьком. В общем, март прошел продуктивно. П. П. Бажов получил Сталинскую премию.

1—5/IV.

Пять первых дней апреля. За это время написана маленькая статья для «Красного бойца», подготовлены, дописаны и сданы на машинку несколько частей книги «Урал в обороне» (основное и лучшее все еще остается ненаписанным). Помогла отделу пропаганды горкома в составлении проекта обращения стахановцев. Провели мы открытое собрание с переизбранием бюро (я прошла тоже, у нас новое бюро — 7 человек). Предстоит большая работа: написать около 3 печатных листов для книги... Мало спим. Был слет стахановцев 4-го, в Театре имени Луначарского. Те же примелькавшиеся лица в президиуме, но не было, или я не могла найти, знакомых мне стахановцев. Сегодня в первый раз собираем бюро, я намечу большую работу для себя.

6—8/IV.

Заболела и лежу дома, отказавшись от всех выступлений. Всего вернее — залежусь, так как страшно устала (помимо прочего). Силюсь закончить «Урал в обороне». Читаю Сергеева-Ценского «Севастопольскую страду», интересно, хочется писать, как и он, большую русскую эпопею и написать страниц 50 или хоть 30 — и то бы хорошо!! Выбрать место на Урале, обдумать типаж, писать просто, как пишу в дневнике. Попробовать именно так, что выйдет. Но главная тема — это стремление установить ритмическое производство, борьба за ритмическую культуру труда.

9—16/IV.

За это время написала «Черты эпохального творчества» полтора листа и на этом кончила (и хорошо кончила!) «Урал в обороне». Лучшая статья — именно эта. Отдала на машинку, кроме того исправила и сдала другие, в общем, получилось 9 глав, книга на 12—13 печатных листов. Если сделаем с иллюстрациями, получится основательно. Сейчас собираюсь через 5 дней ехать в Москву, перед отъездом побывала у директора ипподрома Дорнера, там смотрела лошадок (чудесен Дуэт, с ним меня сняли, русско-американский метис). Были жеребцы, русские рысаки, потом метисы, 2 английских кровных, две арденки (не такие большие, как першероны), одна чудесная мохнатая текинка. Я записала, что мне рассказывалось, и решила съездить... на завод № 9 в Баймак (Башкирия), получивший приз за поставку военных лошадей в Прохладный (или Теплый) ключ, на завод 118, там увижу 5 пород и, между прочим, знаменитую тавдинку — и напишу книжку об уральской породе — «Тавдинки», которую здесь собираются разводить (вроде тагилок). Посмотреть у Семенова-Тян-Шанского. До отъезда надо: 1) записать в дневник о лошадях и приготовить этот материал для «Красной звезды»; 2) написать «Воспоминания о С. В. Рахманинове»; 3) маленькую статью для Информбюро «Академик-депутат»; 4) написать для Иваненко статью о молодежи украинской на Урале; 5) отредактировать и исправить всю рукопись «Урала в обороне»; 6) собрать нужные документы для Москвы; 7) побывать у Урусова, взять пропуск, написать проект конференции четырех

⁹ Речь идет о цикле очерков, впервые опубликованных в «Новом мире» (1943, № 7-8).

искусств, побывать в обкоме, взять у них письмо в ЦК. И еще много — все сюда записать в дневник, чтобы было под рукой; 8) сделать 2 радиопередачи — об Обручеве и Рахманинове с концертом...

5 — 28/V, Москва.

Вот уже 23 дня в Москве, а еще ни одного дела по-настоящему не кончено, хотя очень многое уже сделано. Ехали мы с Линой хорошо, погода в Москве — сперва холодновато, сухо, потом потеплело и, к счастью для нас, пошли дожди, а то была боязнь засухи. Квартира в полном беспорядке, газа не было, телефон не работает и т. д. По бытовой части мы не сразу (предварительно поголодавши и померзнув) наладили: газ, одну рейсовую карточку на 500 граммов хлеба... Получили за это время 2 полуપайка, из Союза и из «Правды», и получаем 2 обеда (очень неважные, хотя все же сытнее, чем в Свердловске). Лина покупает зелень, и организм начал насыщаться витаминами, зрение и сердце у меня явно окрепли. В общем, живем неплохо.

По творческой части. Вероятно, книгу еще придется откладывать. Сейчас она на прочтении у экономиста. В «Правде» от 23 мая прошел «Рассказ о литеищике», кое-что взяла «Красная звезда». В общем, есть у меня надежда, что книга появится. Здесь, меж суетой, написала «Воспоминания о С. В. Рахманинове» для «Нового мира», и они должны появиться в апрельском номере, выходящем в начале июня; туда же для майского номера из «Академиков на Урале» дала статью «Менделеев о будущем Урала», портрет академика Байкова и портрет академика Обручева... По просьбе Ковалчик написала письмо Пэрл Бак в связи с организацией в Америке «Ассоциации Востока и Запада», во главе которой стоит Пэрл Бак. Была на президиуме, где отчитывался М. Рыльский о работе украинской организации, отчиталась и я о работе свердловской организации. Была на приеме у товарища Александрова, рассказала ему о положении вещей в Свердловске, о своем «Шевченко», о книге и т. д. Обещал помочь свердловской организации...

29/V — 8/VI, Москва — Свердловск.

За оставшиеся 10 дней в Москве все дела стремительно уладились... С моей книгой все очень и очень хорошо. Лимиты прошли для свердловцев. Договор с Чагиным¹⁰ подписан. Встретила Женю Шварца, и он взял «Анант» для Новосибирска. А главное — я побывала у Микояна и вынесла большое и хорошее впечатление от него. Говорили часа полтора. Во-первых, о едином водном центре, о том, чтобы не разбазаривать воду, и т. д. Он обещал снести с Вознесенским и чтоб тот этот вопрос продумал и решил. Во-вторых, о работе национальных комиссий, о запущенности участка филологии, о том, что это сейчас уже преступно, о Пэрл Бак и ее «Ассоциации Востока и Запада» и т. д., о деятельности писателей в Академии наук. Потом о литературе, о Шолохове. О наших делах: сразу все устроил, да еще говорил «просите больше». Обещал 16 лимитов и буфет для свердловцев; а весь Союз писателей сравнять в правах с Союзом композиторов. Оставила ему предисловие к «Уралу в обороне». Для себя в Москве не сделала ничего и даже не достала девочке белье.

8-го выехали международным, провожал Метельский, дали машину Поспелова. В дороге — чтение детективов, опять взятых в Москве. Не все хороши, но, в общем, были удачные за этот приезд. Глаза болят, отдыха не было из-за этих дурацких книг. Отдых только в работе, а это — нездоровое развлечение. 12 июня мы в Свердловске...

¹⁰ Чагин Петр Иванович (1898—1967) — журналист, издательский работник. В 1939—1946 годах редактор издательства «Художественная литература». Речь идет о книге очерков М. Шагинян «Урал в обороне» (М. Дослитиздат. 1944).

18 — 24/VI.

Дали с Пермяком 4 «молнии» в Москву, так как оттуда до сих пор никаких обещанных лимитов и пайков нет, а наши писатели сильно волнуются и не верят, что они будут. Приехали делегаты из Молотова [Перми], где прошла очень содержательная и отлично организованная литературная конференция. Созвал ее Педагогический институт, принимали участие ленинградские филологи, обдумана она была тщательно, и доклады дали большой материал (капитальный труд профессора Боголюбова о Мамине-Сибиряке, доклад о коми-пермяцком эпосе и т. д.).

До отъезда на Алтай: обдумать и составить программу конференции четырех искусств в Челябинске (сегодня вечером у меня по этому поводу Гроссман и Ладейщиков); обязательно статью для «Красной звезды» (серебряную); обязательно статью для «Правды»; обязательно статью для «Уральского рабочего».

26—27/VI, Свердловск.

Нынче весь день правила статью и вчера тоже; я понимаю, какой большой отделки требует каждая написанная вещь, и эту отделку должен проводить сам автор. Душные дни с ночных грозами. Чтения по Алтаю. Ничего, кроме этого, а надо бы написать в «Звезду» и в «Уральский...», да и ответить на письма, которые я систематически оставляю без ответа.

Сейчас наше бытовое положение очень улучшилось. Мы зверски голодали примерно с января. Бывает молоко, что очень важно для Леночки.

30/VI — 3/VII.

Поездка на Алтай все откладывается. По просьбе Шаумяна просмотрела и отделала «Черты эпохального творчества», которые «Уральский рабочий» будет печатать под названием «Урал в обороне». Обещает провести в трех номерах. Еще у нас за это время были неудавшиеся 2 собрания — партсобрание и общее собрание. Читала о рудном Урале, читала в «Новом мире» интересную рецензию Л. Озерова о Тычине и Вл. Орлова о «Тамариани» в переводе Шалвы Нуцубидзе.

Рудный Алтай не входит в административное деление Алтайского края, и это страшно расстроило меня. Следовало бы взять еще путь туда, а еще лучше, без перечисления городов, в Казахстан (Восточный) и Таджикистан, через Узбекистан. Туда, по правде говоря, лучше бы махнуть глубокой осенью.

4/VII, воскресенье.

Весь день — мотание по делам, вчера и позавчера прошли мои статьи в «Уральском рабочем», но мы не успели исправить текст по московскому варианту и пустили уральский. Выходит очень хорошо, и на душе приятно. Ликстанов сказал мне: «Одна ваша книга оправдывает пребывание всех писателей на Урале». Обещают 6-го закончить. Посмотрим.

